

840
Р50

Джанни Родари

ИГРА В ЧЕТЫРЕ УГЛА

Джанни Родари

84(3)
P60

ИГРА
В ЧЕТЫРЕ
УГЛА

РАССКАЗЫ

375816

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1985

ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
г. Севастополь

И (Итал)
P60

Gianni Rodari
IL GIOCO DEI QUATTRO CANTONI

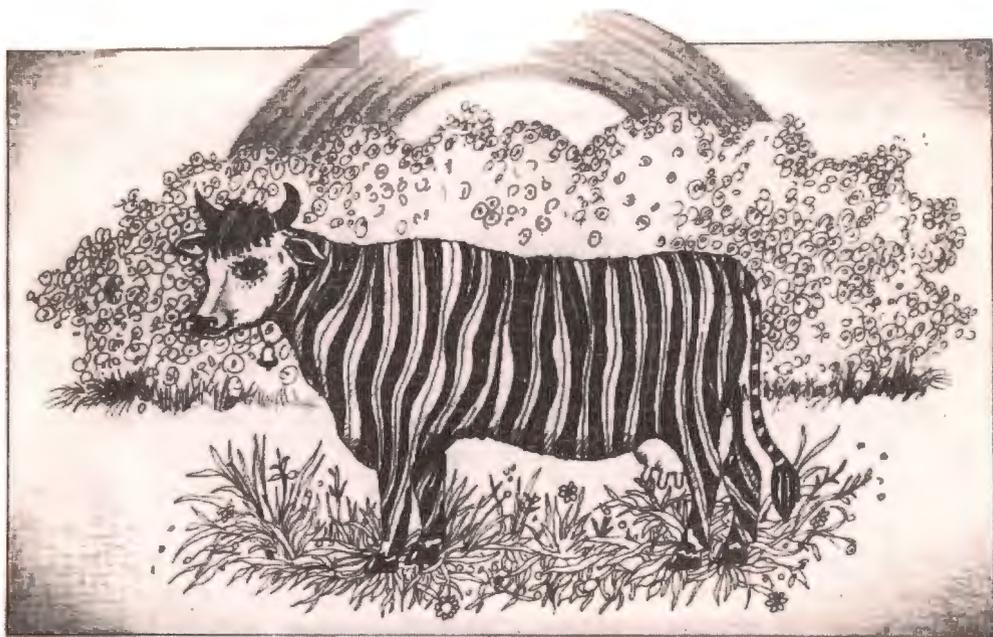
Giulio Einaudi editore, 1980

Перевод с итальянского
Т. ВОЕВОДИНОЙ и М. ЛИТВИНОВОЙ

Рисунки В. КАФАНОВА

Р 4803020000—220 526—84
М101(03)85

© Перевод на русский язык. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1985 г.

КОРОВЫ ИЗ ВИПИТЕНО

Корова из деревни Випитено съела радугу. Вообще-то коровы едят траву, сено и тому подобное. Но чего только не может случиться за тысячу лет, особенно вечером, на закате, после сильной грозы. Как раз в это время группа немецких туристов любовалась яркой радугой, перекинувшейся с одной горы на другую. А корова из Випитено спокойно жевала травку-муравку и думать не думала о будущем: коровы ведь всеми четырьмя копытами стоят в настоящем.

— Глядите, глядите! — вдруг заорал один турист. — Радуга на землю спускается!

— Не может этого быть, — резонно заметил другой. — Вы ведь знаете, что радуга — это, в общем-то, оптический обман.

— А вы гляньте сами!

Все задрали головы вверх — так оно и есть. Справа радуга поднимается — медленно, рывками, точно кто ее дергает, а с другой стороны плавно уходит в землю, как шпага в ножны.

Прямо перед туристами тянулся зеленый, пестреющий всеми цветами радуги луг, а на лугу паслись коровы, паслись молчаливо, но безо всякой задумчивости. В этот-то луг радуга как раз и воткнулась.

Немцы-туристы смотрели заворуженно: такое они видели впервые.

— Пойдем туда, поглядим,— звали они один другого.

— А чего глядеть-то,— пожал плечами скептик,— вы что думаете, там в земле яма, а в ней сидит сторож и складывает туда радуги, когда они отсветят на небе сколько положено?

Но его не послушали и пошли смотреть. И ничего, конечно, не увидели: ни ямы, ни сложенных радуг. Луг как луг — каждым своим квадратным сантиметром. И коровы как коровы. Облака позолочены косыми лучами закатного солнца — оно выглянуло навестать упущенное за грозу, да и проверить своим глазом, что гроза натворила на земле.

— Значит, так,— протянул один турист.

Другие тоже сказали вслед за ним «значит, так», а кое-кто воскликнул: «Ну и дела!» Таких словечек полным-полно в любом языке, и в немецком их ничуть не меньше. В конце концов все согласились, что радуга — обман зрения, и повернули обратно в гостиницу. По дороге рассуждали о радугах, виденных в Гонконге, Ванкувере, в Сиднее и в Чезенатико в Романье¹. А коровы не спеша отправились к себе в стойло, и вместе со всеми та, что съела радугу. Произошло это вот как.

У этой коровы губа была не дура. Она щипала лиловые колокольчики, желтые лютики, не брезговала и белым тмином. А тут случайно попала радуга — самое основание чудесного расписного мостика. Радуга это или цветы — ей было решительно все равно: корова она была не сентиментальная, и красоты природы ее не трогали. «Хрум-хрум-хрум», — хрустела она радугой вперемешку с травой. Радуга оказалась очень приятной на вкус.

Корова совсем не удивилась, нет, пожалуй, она готова была вот-вот удивиться, чуть-чуть бы — и удивилась, но дальше «вот-вот» и «чуть-чуть» дело не пошло. Ведь корова — простое парнокопытное, крупный рогатый скот, да еще и молочный — что с нее взять! Корова захотелось вздохнуть поглубже, и она задышала, втягивая ноздрями изрядные порции радужных красок. И не только вдыхала, но и заглатывала без разбору желтую, красную, голубую и фиолетовую. У нее был луженый желудок — как у всех жвачных. Он переварил радугу вместе с остальной пищей. И представьте, хоть бы что. Так вот и съела корова радугу.

Вечером, как всегда вошла она в хлев, и, как всегда, господин Вальтер похлопал ее по боку и назвал по имени. А звали ее «Му!» — за-

---

¹ Романья (точнее, Эмилия-Романья) — административная область в Италии; Чезенатико — город в этой области.

метьте, обязательно с восклицательным знаком. В тот вечер ее, как всегда, позвали: «Му!», — и она в ответ добродушно взмахнула хвостом. На первый взгляд, был вечер как вечер.

Господин Вальтер принялся доить коров — их было у него пять. Молоко у Му! текло такое же белое, как у остальных, так что пока у господина Вальтера причин для волнения не было. Заснул он с легким сердцем, и приснилось ему, что он скачет верхом на коне по берегу моря.

Но назавтра случилось такое, от чего господин Вальтер потерял покой. Начал он вечером доить, а молоко-то у Му! голубое. Этого господин Вальтер не видал даже во сне.

Взглянул он на свои руки — мытые, хотя, быть может, и не лучшим образом. Нигде не вымазаны ни голубой, ни какой другой краской. И ведро чистое — вымыл, не забыл. Он опять стал доить, опять потекло голубое молоко — примерно такого цвета, какой рифмуется в песнях со словами «с тобой» или «прибой». Вот например: «А вечер такой голубой. И снова стоим мы с тобой. У ног наших плещет прибой. Такой голубой». Ну, можете себе представить?

Но господин Вальтер был не из тех, кого можно сбить с толку даже голубым молоком. Корову доить все равно надо — и он доил. Кроме того, надо и продавать. Вот он и попробовал продать голубое молоко коровы Му!.

Но красавица Эльза — она собирала молоко у всего кооператива — отвергла голубое молоко Му!.

— Голубое не берем, господин Вальтер. Масло из него не сбивается. Может, перекрасите обратно в белое?

— Ах, Эльза, Эльза, все-то тебе смеяться надо мной! А у меня, между прочим, серьезные намерения. Ты ведь уже взрослая барышня, невеста.

— А свадебные конфеты тоже будут голубые? Нет уж спасибо.

— Куда же мне это молоко девать?

— А вот насчет этого мама мне ничего не сказала, — дернула плечиком Эльза, нажала на газ и укатила в своем фургончике.

— Вот так история! — почесал в затылке господин Вальтер.

Назавтра дела пошли еще хуже. Корова Му! стала давать зеленое молоко, а потом вдруг красное, синее, фиолетовое.

— Эти цвета радуги крайне подозрительны, — сказал сам себе господин Вальтер. — Уж не отравил ли кто корову, чтобы я разорился и не смог жениться на Эльзе?

Сказал он это, глянул на землю — а там, под ногами у коровы, растекается еще одна радуга. И соответствующе пахнет.

«Что же делать? К ветеринару, что ли, обратиться?» — подумал господин Вальтер.

Пришел ветеринар, собрались односельчане и вообще все, у кого были коровы. Слух о том, что корова Му! дает разноцветное молоко, разлетелся по всей округе, и каждому хотелось взглянуть на диковину собственными глазами, чтобы собственным языком высказать собственное мнение.

— Да, — вздохнул ветеринар, — тяжелый случай!

— А может, у нас у всех просто в глазах рябит? — предположил один крестьянин.

— Корова Му! ест ту же траву, что и другие коровы, — растерянно оправдывался господин Вальтер.

— Все дело, как видно, в пищеварении. Коровы действительно едят всякие цветы: желтые, красные, голубые и фиолетовые, но потом переваривают их и получается белое молоко. А у твоей коровы, наверное, раздельный пищеварительный аппарат, он не смешивает цвета, а наоборот, разъединяет. Не смешивает, и все.

— А я вот читал про художников, которые делали то же самое. Не смешивали цвета, а писали отдельными мазками. Дивизионисты называются. Они и коров рисовали, как будто...

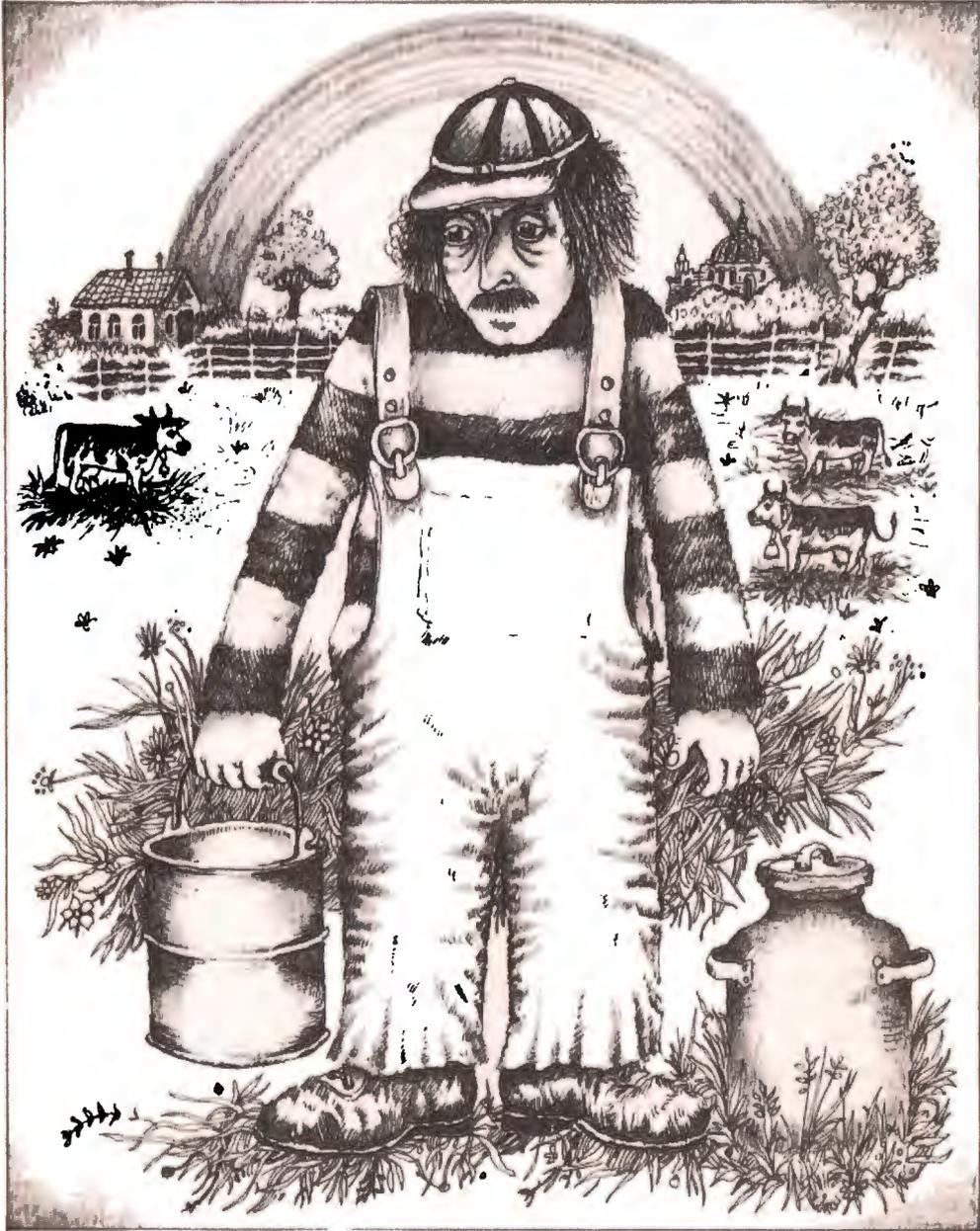
— При чем тут художники? Хватит всяких намеков! Моя корова Му! по музеям не ходит, а гуляет по лугам в нашей долине. Да повстречай я ее хоть раз с художником, я бы живо из нее эти причуды выбил.

Спорили долго и горячо. Чего только не было говорено, переговорено! Но тут как-то вдруг опустилась ночь, и споры сами собой утихли. К сожалению, ненадолго. Завтра не только Му!, но и другие коровы стали давать разноцветное молоко.

Как раз наступила пора гроз и радуг. Му! и другие коровы паслись на ближних и дальних лугах. Нетрудно догадаться, что там происходило. Загорится на небе радуга, и какая-нибудь корова — хрум-хрум-хрум — примется ее есть. А то еще две коровы начнут одну радугу с двух концов. Радуга и лопнет пополам. Туристы, любовавшиеся этим красивым явлением природы, бывали очень недовольны.

— Безобразие какое! — возмущались они и подозрительно поглядывали на хозяина гостиницы.

События тем временем развивались. Коровы — начало положила Му!, бывшая всегда во всем первой, — с головы до хвоста стали пестрые и очень красивые. Попадались коровы в горошек, в полоску, в мелкую клетку или крупную, наподобие шотландки, и бока у них переливались всеми цветами радуги. Люди только изумленно ахали. А ветеринар, чтобы

лишний раз не сесть в лужу, взял отпуск и уехал на курорт Линьяно Сабьядоро.

Эльза первая сообразила, в чем дело, и поделилась догадкой с господином Вальтером.

— Что? Коровы едят радуги? — в изумлении переспросил тот. Потом, немного подумав, прибавил: — Ладно, пусть едят. Не стану с тобой спорить. Я ведь говорил, что хочу на тебе жениться. Только очень тебя прошу, не рассказывай больше никому про коров, как они едят радуги. А то еще подумают, что ты сошла с ума. И перестанут уважительно относиться к нашему кооперативу.

— Ну вот, пожалуйста, ты мне не веришь. Конечно, важные открытия, как известно, делаются мужчинами, а я женщина. Но это правда, Вальтер.

— Да ведь сколько мир стоит, никогда ничего подобного не случилось. А были и грозы, и радуги, и коровы.

— Всегда что-нибудь случается в первый раз, — благоразумно сказала Эльза. — А ты сам понаблюдай за своей Му!. Перестанешь сомневаться!

Через два дня как раз после обеда разразилась великолепная гроза. Господин Вальтер вооружился зеленым зонтом и отправился на луг, где Му! блаженно подставляла бока дождевым потокам и, представьте, нисколько при этом не линяла.

«А ведь верно, надо самому посмотреть», — рассуждал господин Вальтер.

Пришлось, однако, подождать, пока отгрохочет гром, отсверкают молнии, грозу унесет к другим долинам и из туч выпрыгнет весь еще мокрый первый лучик солнца.

— Вот сейчас засияет радуга, — обрадовался господин Вальтер, — и я увижу, что будет делать Му!.

Но радуга не засияла, ей дела не было до земных экспериментов. Да ей и вовсе не обязательно появляться после каждой грозы. Иной раз появится, а иной раз нет. Природа вообще капризная госпожа, закон не про нее писан.

Господин Вальтер сложил зонтик и принялся терпеливо ждать, не сводя глаз с Му!. Ждал он, однако, безо всякого энтузиазма. Конечно, Эльза просто посмеялась над ним. Как вдруг...

Му! задрала голову и весело замычала, точно приветствовала солнце, которое лучик за лучиком пробивалось в разрывы облаков. Потом она открыла рот, и оттуда то ли слюни потекли, то ли потянулась какая-то

нитка, нет, скорее вылетело облачко. И вдруг точно флаг взвился в небе. Это Му! с самым невинным видом выдула из рта радугу. Радуга изогнулась в сторону солнца прямо на глазах изумленного господина Вальтера. И сейчас же все коровы, что паслись на ближних и дальних лугах, стали выдыхать в небо радуги, каждая свою. Радуги реяли в небе, а бока у коров становились пегие, рыжие, черные — куда девались клеточки, горохи, ромбики!

— Вальтер! Вальтер! — Эльза бегом бежала к нему. — Смотри, какая прелесть! Ну что я тебе говорила?

— Ты говорила, что коровы едят радуги. Но про то, что они их выплевывают...

— Да перестань ты умничать. Смотри лучше, как красиво!

Посмотрел господин Вальтер, посмотрела Эльза, посмотрели односельчане; вытаращив глаза, смотрели туристы. А среди них оказался профессор Бломберг из Гейдельбергского университета.

— Дамы и господа! — авторитетно произнес он. — То, что вы в данный момент наблюдаете, является невозможным. Это просто смешно. Явление радуги было объяснено впервые монсиньором Де Доминисом, епископом Спалатским в 1590 году. Впоследствии это объяснение было уточнено Декартом в 1637 году и Ньютоном в 1704 году. Данное явление состоит в том, что солнечный свет рассеивается и отражается каплями дождя, то есть образует дождевую завесу, находящуюся перед наблюдателем. И это полностью исключает активное воздействие крупного рогатого скота на это природное явление. Призываю вас, из уважения к Ньютону, Декарту, а также к епископу Спалатскому не верить глазам своим и не поддаваться влиянию глупых, не компетентных животных, таких, как коровы из Випитено, которые и ученых-то степеней не имеют.

В заключение своей речи профессор Бломберг так грозно сверкнул очами, как будто хотел поставить двойку по поведению туристу, который осмелился бы возражать.

А радуги все вылетали и вылетали в небо. И уже весь небесный свод заиграл, запестрел волшебными мостиками, лабиринтами — настоящий праздник для глаз.

— Какая прелесть! — то и дело восклицала Эльза. Она была в восторге и от этого стала еще красивее.

«Теперь или никогда!» — подумал господин Вальтер.

— Эльза, дорогая, — сказал он, — пойдешь за меня замуж?

— Пойду, — немного подумав, ответила Эльза. — Если ты пригласишь меня погулять по радуге. Тогда пойду. Может быть.

НОЧИ В СПИЛАМБЕРТО

Жил в Спиламберто ветеринар по имени Оттавио, у него была привычка спать, держа один глаз открытым. Вы спросите, почему? Причин было несколько: во-первых, воры, во-вторых — жена и в-третьих — дети. Воры действительно докучали Оттавио. Дом его стоял на отшибе, в нем было столько дверей и окон, что запереть все их на ночь не было никакой возможности, что-нибудь одно да забудешь. Наверное, это были не бог весть какие воры, а то разве полезли бы они к простому ветеринару. Но зато эти воры отличались завидным постоянством. Что-то, видно, тянуло их к этому дому. Раза четыре в году они обязательно забирались к Оттавио. С паршивой овцы хоть шерсти клок. Если не найдется ничего лучше, они стащат из ванны пачку стирального порошка или из кухни утянут жидкое мыло, которым так хорошо мыть посуду. Но бывало и повезет, нет-нет да и разживутся чем-нибудь более существенным: дуршлагом, например, или будильником, а то и жемчужным ожерельем. А один раз — редкая удача — под руку попали ценные бумаги.

«Какие настырные воры! — подумал однажды Оттавио. — С ними глаз да глаз нужен. Особенно ночью». И решил спать, оставив открытым один глаз — оба сразу нельзя, для здоровья вредно.

Но воры это еще не все. Жена господина Оттавио, которую звали Норма, ходила во сне. Ходила, как все лунатики, вытянув перед собой руки ладонями вверх. Проснется иной раз господин Оттавио посреди ночи, а жены рядом нет. Приходится идти на поиски, а госпожа Норма любила забираться куда повыше — на крышу курятника, на самый высокий карниз, на ветку ливанского кедра, которая доставала до одного из сотен окошек их дома. Однажды влезла на каменную ограду, утыканную поверху бутылочными осколками, — оградой этой господин Оттавио обнес дом для защиты от воров. Чтобы снимать жену с ее любимых высот и не сломать себе шею, ветеринару приходилось заниматься акробатикой, которая имеет очень мало общего с его профессией. И вот, раскинув умом, господин Оттавио еще раз укрепился в мысли спать ночью, зажмурив только один глаз. А другой пусть бодрствует, чтобы вовремя пресекать ночные вылазки госпожи Нормы.

Третья причина, как уже было сказано, — дети. У господина Оттавио и его жены детей было трое: два сына и дочь. Старшему сыну двадцать два года, младшему — тринадцать, дочь где-то посередине. Звали их Риккардо, Тициана и Диего. Все бы это ничего, но дети очень любили развлекаться. И, развлекаясь с приятелями по вечерам, отхватывали иногда изрядный кусок ночного времени.

Домой они возвращались поздно, ступали на цыпочках, боясь разбудить мать или отца. Это-то и мучило больше всего господина Оттавио. Только заснет — шаги, явно кто-то крадется. Но кто — Риккардо или воришка, соблазнившийся курицей, Тициана или грабители, влезшие за бриллиантами, Диего или домушник, прознавший про стиральную машину — понять невозможно. Так и некогда спать. Только смежит глаза — опять скачи с постели. Что он, кузнечик, что ли, то и дело скакать? Да и вообще непорядок детям с первыми петухами домой возвращаться. Вот и пришлось господину Оттавио спать ночью с открытым глазом. Утром дети сидят за столом, завтракают как ни в чем не бывало, а господин Оттавио говорит:

— Сегодня ночью Диего вернулся без пяти двенадцать. Тициана в четверть первого. А Риккардо в двадцать семь минут третьего.

— С ума сойти, какая точность! Ты, папа, не спишь, что ли, по ночам?

— Сплю, одним глазом, — как-то раз гордо заявил отец.

Дети так и прыснули, думая, что отец шутит. Им и в голову не могло

прийти, что отец говорит сущую правду. Теперь он мог распекать их без зазрения совести — он сам был свидетелем их предосудительного поведения.

Правда правдой, а вот как он ухитрился держать одно око недреманным? Научиться этому, ясное дело, непросто. Попробуй заставь глаза работать вразнобой — один спит, другой бодрствует. И не только глаза, левое и правое полушария мозга и то должны работать в разном режиме. Господин Оттавио придумал целую систему.

Сперва он стал учиться читать одним глазом. Завяжет один глаз, заклеит пластырем или просто наденет половинку темных очков и читает себе по нескольку часов кряду. Второе упражнение — смотреть телевизор одним глазом. Завяжет один глаз и лишает его возможности наслаждаться интереснейшими конкурсами между городами Италии, а то и других стран. Зато его более счастливый собрат чего только не насмотрится! Вот две команды деревенских красоток везут в тачках наперегонки своих женихов — упаси бог кого-нибудь уронить. Или: вместо парней — пирамиды разноцветных шаров, а еще лучше — сырых яиц. Просто со смеху умереть можно. Однажды госпожа Норма застала мужа за этим упражнением.

— Что с твоим глазом? — забеспокоилась она. — Давай заварю ромашки. Или сделаю теплый лимонный сок.

— Ничего не надо. Глаз у меня в порядке. Такую чепуху показывают, что и одним глазом смотреть тошно.

— А вчера ты читал книгу с завязанным глазом. Тоже чепуха?

Господин Оттавио буркнул в ответ что-то нечленораздельное и впредь был более осторожным. Поднимался чуть свет, шел на ипподром и бегал там сколько влезет с завязанным глазом. И никто никакого внимания: там столько всякого народу бегают — кто чтоб похудеть, кто от давления, а кто просто для тренировки.

Господин Оттавио много месяцев без устали упражнял глаза. И вот наконец почувствовал — пора провести испытание. Лег спать как положено, в обычное время, один глаз закрыл, другой оставил открытым. И спал так почти целый час. Потом открытый глаз сам собой зажмурился, и господин Оттавио впал в особенно крепкий сон. В ту ночь воры унесли велосипедный насос, а госпожа Норма залезла во сне на ветку кедра. Оттуда ее сняла Тициана, которая подгадала вовремя уйти с фестиваля бальных танцев. Наутро она непременно поддеть отца, правда имея на это некоторое основание.

— Так-то ты заботишься о своей жене — нашей маме! Собак и кошек,

не моргнув глазом, вылечиваешь, диагнозы курам ставишь в мгновение ока. К телятам и ягнятам тебя зовут за сто километров. А домашние хоть на колокольню лезь, ты и пальцем не пошевелишь!

Господин Оттавио кротко промолчал — с детьми только начни спорить, потом десять раз покаешься. Однако это была последняя вольготная ночь для воров, детей и госпожи Нормы. Упорные тренировки в конце концов принесли плоды. Вечером господин Оттавио отправился на боковую — левый глаз тотчас уснул, правый уставился во тьму. Почему выбор пал на правый глаз — трудно сказать. Может, господин Оттавио возлагал больше надежд на правый глаз, а может, так получилось само собой. Не будем вдаваться в подробности. Главное, что когда воры, верные своей пагубной привычке, залезли в дом к господину Оттавио, их там ожидал пренеприятнейший сюрприз. Воров было двое, проникли они в дом бесшумно и очутились в спальне хозяев.

— Взгляни, что там ветеринар делает, — шепнул один вор другому.

— Спит и в ус не дует, — ответил другой. Ему виден был только левый глаз.

— Отлично! Хватай скорее кошелек, он в пиджаке, во внутреннем кармане. Пиджак, вон видишь, на спинке стула висит.

— Вот я вам покажу на спинке стула! — вскочил ветеринар.

Воров как обухом по голове хватило. Они и сопротивляться не стали. Полицейские их связали и отправили в тюрьму. Я ведь уже говорил, что это были так себе воры, второго сорта. А господин Оттавио даже и не проснулся как следует. Бригадир, заметив зажмуренный глаз, весело ему подмигнул в ответ.

С тех пор в доме у господина Оттавио все пошло по-другому. Только воры взломают дверь или влезут в окно, их тут же хватают и надевают наручники.

Кончились и ночные гулянья госпожи Нормы по крышам и веткам кедра. Теперь жизнь ее была в безопасности. Недремлющее око господина Оттавио работало безотказно.

Дети возвращались домой на цыпочках. Шмыгнут к себе в спальню и уверены, что отец ничего не заметил. А утром за завтраком такая выволочка от него — гулены, полуночники, чтоб не смели больше возвращаться с зарей!

— Диего вернулся в двадцать четыре минуты третьего, Тициана — в десять минут четвертого, Риккардо — без двадцати пять, ровно за десять минут до первых петухов, — произносил ветеринар обвинительную речь.

Ничего теперь не ускользало от бдительного ока родителя. Детям, понятное дело, это не нравилось. Они так и эдак пытались избежать слезки — все без толку.

— Бедный отец, — вздохнул как-то Диего, у которого было самое доброе сердце. — Не может заснуть, пока нас нет. С сегодняшнего дня, так уж и быть, буду возвращаться на... ладно... на семь минут раньше. И вы тоже должны пожалеть отца.

Однако самое время полюбопытствовать, что же делал спящий глаз, пока бодрствующий достойно нес караульную службу. Левый глаз, как можно догадаться, смотрел те сны, которые видел господин Оттавио, когда спал одним глазом. На первый взгляд, это может показаться чистейшим вздором. В самом деле — ловит господин Оттавио вора и видит одновременно сон, как едет по канатной дороге высоко в горах, или как тонет лодка, в которую набились битком его престарелые родственники. А то приснится поющая ящерица или большая кастрюля, в которой почему-то варится велосипед, словом — всякая белиберда. Бывали, правда, сны и поинтереснее — то отрывок из прожитой жизни, только отредактированный и приукрашенный, а то вдруг очутится он в дивной волшебной стране, где все ему удастся, во всем он баловень судьбы первый. Даже на всех инструментах может играть. Надо сказать, сны эти очень мешали господину Оттавио, ведь пока левый глаз видел сны, правый неусыпно следил за всем, что происходило вокруг. Вот, например, снится господину Оттавио, что он дирижер и вместе со своим оркестром выступает перед самой изысканной публикой — тут и короли с королевами, президенты, профессора. Вдруг в самый захватывающий момент правый глаз сигналист: госпожа Норма встала с постели и идет к окну. Господину Оттавио не оторваться от своего сна: он преспокойно смотрит, как жена лезет все выше по кедру. Вот она уже на верхушке. И приходится бежать сломя голову — упаси господи, если госпожа Норма оттуда сверзится.

Или вот еще: следит правый глаз за ворами — они лезут в кладовку за копчеными колбасками. Господин Оттавио все видит, но оттягивает роковую для воров минуту — сон очень сладкий снится: индийская принцесса так упоительно играет ему на мандолине серенаду.

Со временем левый глаз научился разным хитростям, чтобы сбивать правый глаз с толку. Выключит, например, волшебную сказку и смотрит во сне реальные события, которые правый глаз видит воочию. Сначала он честно следует за ходом событий, но скоро начинает вертеть ими как хочет. От этого, конечно, происходила величайшая путаница.

Вот как-то забрался в дом вор за цветным телевизором, купленным

вместо украденного. Правый зрячий глаз следит за каждым его движением, а левому грезится, будто вступил господин Оттавио в смертельную схватку с вором, победил его и связал цепочкой от бачка в уборной. Жена и дети чувствуют победителя, величают его героем. А вор тем временем преспокойно погрузил телевизор на тележку и увез бы, да госпожа Норма и дети-полуночники помешали.

Госпожа Норма именно в эту ночь встала опять с постели и пошла к выходу, вытянув вперед руки; а дети вернулись на семь минут раньше, как у них было решено, ну и столкнулись нос к носу с грабителем. Открытый глаз все это видит, но господин Оттавио верит больше левому глазу. А какое горькое было пробуждение! Жена и дети не хвалу ему возносят, а бранят на чем свет стоит.

— И в каких облаках ты витаешь! Ведь ты же видел вора не хуже, чем мы. По твоему лицу понятно было. Ты глядел на него и улыбался, будто тебе показывают что-то очень приятное!

За этим выговором — еще и еще, и все один обидней другого. Никогда ему не было так стыдно, даже в детстве, когда он прудил в постельке. Наполеону и тому было, наверное, не так горько после поражения при Ватерлоо.

Подобные недоразумения случались теперь каждую ночь. Это повергало господина Оттавио в глубокую скорбь, а ведь он был единственным человеком в Спиламберто, а может, и во всем мире, обладавшим такой уникальной способностью — спать одним глазом.

«Да, где-то в мою систему вкралась ошибка,— признался наконец себе господин Оттавио.— Может, надо было вообще спать с открытыми глазами? Наверное, этому научиться не так уж и трудно. Могу же я целые сутки бодрствовать правым глазом, даже ресницы не дрогнут! А чем левый глаз хуже? Ведь всего-то и надо на несколько ночных часов отключить зрительное восприятие от сознания и от других, связанных со зрением систем организма. Глаза будут бодрствовать, уши — сон смотреть. А все остальное пусть спит. Буду спать носом, ртом, животом, руками, ногами, ну разве этого мало для крепкого здорового сна?»

Это рассуждение очень ему понравилось. «За дело!» — сказал он себе, готовый на новые подвиги. И не мешкая стал тренировать левый глаз. Он не сомневался — спать с открытыми глазами научится вдвое быстрее, ведь один-то глаз уже может похвастаться этим умением.

«Что может быть проще,— говорил он себе,— чем спать и смотреть в оба? И я этому научусь, как пить дать, научусь!»

Но по-видимому, господин Оттавио опять где-то дал маху. Правый

глаз быстро научился спать, не закрываясь, но и левый теперь смотрел сны, не смыкая век.

Вот так и научился господин Оттавио грезить с открытыми глазами. Да, представьте себе — видел сны не замуриваясь. Трудно ли это? — спросите вы. Наверное, не очень. Честно говоря, многие это умеют. И в Италии, и в Австралии, и в Сингапуре, и в Нью-Йорке, и в любом другом месте нет-нет да и встретишь человека, грезящего наяву.

Господин Оттавио понимал теперь, в чем ошибся. Но начинать все сначала не было сил. Так он и продолжал спать с открытыми глазами, а вокруг творились самые прискорбные вещи. Воры стянули у него даже ботинки с носками. Госпожа Норма, как ни в чем не бывало, балансировала на перилах верхнего балкона. А дети возвращались домой все более поздно и наконец совсем отбились от рук.

А господин Оттавио, как ни таращил глаза, ничего этого не замечал. Но зато он видел караваны верблюдов, везущих ему дары из Аравии, видел монархов, оказывающих ему королевские почести, банкиров, несущих ему сундуки, полные золота, серебра и ценных бумаг. И еще многое другое.

НА ПЛЯЖЕ

Я торгую разными флажками и флагами. В начале этого лета поехал я на побережье Адриатики; там на каждом шагу гостиницы, большие, поменьше и совсем крошечные — яблоку негде упасть. Им всем подавай целые ворохи флагов всех народов и стран. Они приколачивают их на конек крыши. Полно там и всяких пивнушек, баров, кафе-мороженоых и просто кафе; им тоже вынь да положь флажки всех континентов, они ставят их на столики: пусть господа из Каракаса или Танзании, Гамбурга или Сингапура чувствуют себя как дома. Пусть отдыхают, купаются, танцуют и набираются сил, осененные, так сказать, стягом отчизны.

Прошлый сезон я объездил почти всю Эмилию-Романью, полностью обеспечив ее флагами большими и маленькими. А нынешним летом отправился в Феррару на побережье Комаккьо. Этот курорт существует недавно, и насыщенность его моим товаром еще не достигла оптимального уровня. Люди туда ездят простые и очень приятные. Зайдя в бар «Моло» или кафе «Спорт», они не кидаются к выходу, если на столиках рядом с аперитивом нет национальных флажков; не боятся, что невежественный официант спутает норвежца с исландцем, а бельгийца с триестинцем.

Поселился я в маленьком уютном пансионате (называется он «Веккья Римини») на улице Лидо дельи Эстенси, почти на самом берегу канала. По ту сторону канала шумит порт Гарибальди и высится памятник в честь его высадки на этот берег в 1849 году. В тот же вечер я изучил об этом месте все, что можно: мой пансионат со всем его хозяйством; время приливов и отливов; отчего канал то делался полноводной рекой, то мелел, как пересыхающий ручей; маршруты рыбацких лодок и бродячих собак. Узнал, почему пресные лепешки с копченой колбасой и без колбасы, и, разумеется, расписание парома, который курсировал от одного берега к другому с семи утра и до одиннадцати вечера (проезд взрослого пассажира — 100 лир, с велосипедом — 150, ребенка — 50 лир). Паром этот был всего-навсего старой моторной лодкой. Она кашляла и чихала, но все-таки еще была в состоянии преодолеть десяток метров водного пространства. Последним рейсом на ее борту ехал в порт Гарибальди какой-то араб — я перед сном еще раз заглянул на пристань. На левом плече у араба — тук с пледами, такими пледами торгуют на пляже в порту арабы, точнее говоря, марроканцы, туниисцы и бог знает кто еще. Иной раз забредет такой араб — по ошибке или умышленно — в шикарный вестибюль Гранд-Отеля; оттуда его, разумеется, гонят взащей — там только нищих бродячих торговцев не хватало.

Назавтра, чтобы спастись от зноя, отправился я со своими флажками на пляж «Медуза». Заплатил за кабинку, взял зонт, разделся, натянул плавки и лег на песок — голова в тени, ноги — на солнце, я так больше всего люблю загорать. Заметьте, я вообще люблю совмещать приятное с полезным, в разумных пределах, конечно. Лежу я и раздумываю, каким лучше способом продавать здесь флажки. Но думать мне мешает все усиливающееся раздражение. Подтачивает удовольствие от моря и солнца, как червяк точит розу.

Транзистор — черт бы его побрал! Вот что не дает мне спокойно думать и загорать. И здесь это дьявольское изобретение! Никуда от него не спрячешься! На пляже и в автобусе, в поезде и в самолете, в Северной Италии и в Южной, в Европе и других частях света — всюду орет, вопит, визжит этот мерзкий, проклятый, треклятый транзисторный приемник! Хотя, может, сейчас мне мешает магнитофон? Еще одна адская выдумка на погибель человечеству.

Первым моим побуждением было строго нахмуриться, посмотреть в сторону изрыгающей ор коробки и отпустить в адрес ее хозяев несколько нелестных замечаний. Но я вовремя спохватился, упаси бог, завяжется драка, вроде той на окраине Фано, где я сцепился с целой ора-

вой юнцов, вооруженных транзисторами. Ну так вот, поворачиваю я как бы ненароком голову и вижу: под соседним зонтом очаровательная красотка в бикини, а рядом тщедушный блондин с самой ничтожной физиономией, которую морщат отвратительные ужимки.

У него-то на руке и висит транзистор, из которого вылетает душераздирающий рок. И в такт ему, вернее не в такт, красавчик дрыгает ногами и подергивает тощим плечиком.

«Выруби эту гадость, идиот!» — мелькнуло у меня в голове. И транзистор вдруг повторил: «Выруби эту гадость, идиот!», «Выруби эту гадость...» Я не сразу узнал собственный голос, искаженный динамиком. А транзистор все твердил и твердил эту не очень-то вежливую фразу, пока незадачливый кавалер не догадался выключить сошедший с ума ящик.

— Кто-то, видно, надо мной подшутил, — попытался он объяснить девушке это уму непостижимое происшествие.

Объяснение, конечно, дурацкое, не имеющее ни грана правдоподобия. Я же понял одно: фраза, промелькнувшая у меня в голове, была принята и передана транзистором при помощи какой-то разновидности телепатии, существующей, очевидно, между сознанием человека и электронной машиной.

— Сейчас поставлю другую кассету, — объявил мой приятель.

Поставил, и магнитофон издал такие жалкие аккорды, что старик Лист, наверное, перевернулся в гробу. Меня взяло любопытство — а что будет дальше? Я стал придумывать фразы одну хлеще другой: «Ты, рожа, — например, — под сорок третьим зонтиком. Воткнул бы лучше наушник в свое мерзопакостное ухо!» И через три секунды транзистор, не переврав ни слога, отчетливо проговорил: «Ты, рожа, под сорок третьим зонтиком, воткнул бы лучше наушник в свое мерзопакостное ухо!» Девушка на этот раз даже подскочила.

— Ты, наверно, здорово ему насолил, раз он номер твоего зонтика разузнал.

— Да я его и сам узнал десять минут назад, — чуть не плакал вздыхатель. — Я ведь только что взял этот зонтик.

Совсем сбитый с толку, он принялся выключать и включать приемник. Включит — из динамика неумолимый электронный голос чеканит: «Не забывай, кретин, молчание — золото или: «Тебе, дегенерат, место не на пляже, а на подмостках веронского театра». Эта последняя фраза натолкнула обалдевшего парня на мысль. Он крикнул пляжного служителя и стал обвинять его в причинении ущерба его транзистору. Служитель,

подобострастно кланяясь, стал оправдываться. Было похоже, что мой подопытный кролик — завсегдатай этого пляжа и выгодный клиент. И служитель, чтобы его не заподозрили в попустительстве, выгнал с пляжа ни в чем не повинного араба, который расхаживал между зонтиками, предлагая загорающей публике свой немудреный товар.

— Выметайся отсюда, турок поганый! — заорал служитель. — И добро ворованное забирай.

Араб что-то пробормотал по-своему. Служитель оказался человеком бывалым, немало поездившим на своем веку. Он понял оскорбление и вернул с лихвой. Араб опешил и убрался восвояси.

Так я и обнаружил свою поразительную способность обнародовать свои мысли при помощи транзисторных приемников. Конечно, первое, что пришло мне в голову; — происшествие на пляже чистая случайность, вряд ли подобное повторится. Пошел я на другие пляжи и удостоверился, что обладаю действительно неким сверхъестественным даром.

Иду и забавляюсь. Как увижу транзистор на ребре зонтика, шезлонга или на руке у ничего не подозревающей девицы, тотчас и подумаю что-нибудь вроде: «Сидела бы дома, чем народ честной мучить», «Ведьма, заткни глотку своей верещалке!» или: «Чтоб тебе утонуть вместе со своим транзистором!».

После третьей моей прогулки на пляжах воцарилась блаженная тишина. Транзисторы как воды в рот набрали. Слух об этом чуде разнесся по меньшей мере от устья Рено до устья По, то есть на всем двадцатикилометровом протяжении песчаных пляжей Комакью.

После обеда на пляж «Медуза» пришли позагорать курортники, пропустившие по разным причинам утренние часы. Ничего не подозревая, они включили свои дьявольские коробки и... я всем им заткнул рот описанным выше способом.

Мою команду принимали любые приемники — немецкие, американские, японские. И транслировали по моему велению то вежливую просьбу переключиться на другую волну, то кровавую угрозу, то есть весь мой запас празднословия и сквернословия, причем не только на итальянском, но и на других языках, чтобы иностранцы понимали без переводчика.

В тот день, как можно легко догадаться, о деле я позабыл и товара у меня не убавилось. Я стал ломать голову — какую пользу можно извлечь из этой моей уникальной способности. Конечно, тишина и сама по себе — величайшее благо. Я ходил по пляжам и слышал только шум прибоя, шипение волн и веселый крик детворы, играющей в песочек. Мои стараниями транзисторы исчезли; больше не понадобятся запретные

таблички, и пляжные служители не будут портить нервы, призывая к порядку нарушителей тишины. Конечно, я испытывал от этого глубокое удовлетворение. Но если говорить начистоту, одним удовлетворением сыт не будешь, без презренного металла не проживешь.

И тут же на пляже под лучами щедрого солнца у меня созрел замечательный план, как без большого труда удвоить доходы. Буду ходить по городам и весям, торгуя своим разноцветным товаром на радость соотечественникам и зарубежным гостям, а заодно взимать дань с хозяев гостиниц, пляжных смотрителей, с муниципалитетов и других частных и государственных учреждений за молчание радиоприемников, которое я им гарантирую. Объеду по очереди все города и за умеренную плату обезврежу все до единого приемники. Я буду бороться с нарушителями тишины их же оружием: они лупят меня по барабанным перепонкам, но их перепонкам тоже достанется. На город средней величины с населением в сто тысяч жителей мне потребуется только один день. На город покрупнее — думаю, дня два-три, в общем сколько получится. Работа нетяжелая. Стоит только подумать: «Подавись, идиот, своим приемником!» — и дело в шляпе. Придется, конечно, много ходить, что верно, то верно. Но мне и врач рекомендовал ходить ежедневно по два часа — никакого склероза не будет. Так что, видите, и польза и удовольствие, причем польза двойная: я ведь буду продавать флаги и уничтожать шум.

Моим клиентам придется, конечно, молчать. Чтобы комар носу не подточил. Иначе все рухнет. Боже упаси, если у кого закрадется подозрение, что скромный молодой человек с чемоданчиком, полным флажков, — виновник неслыханного явления — лета без транзисторов. Тогда мне несдобровать — самое меньшее, упадет на голову приемник поувесистее. Сила моя в безвестности.

Этот грандиозный план был в подробностях разработан на Лидо дельи Эстенси, где, к слову сказать, никогда не повесят мемориальной доски, чтобы увековечить это величайшее завоевание XX века. Оно и лучше, за чем портить девственную красоту человеческими игрушками. Этот берег и так прекрасен. Особенно под вечер, когда садится солнце. Чтобы увидеть закат, станьте спиной к морю, и вам откроется незабываемое зрелище — долина, а над ней в необъятном небе высятся одна за другой гряды лиловеющих облаков.

В тот вечер на пляже почти никого не осталось: две молодые мамы с прелестными малышами и немецкое семейство, в котором всем заправляла энергичная «муттер». «Pass auf! Pass auf!» — то и дело покрики-

вала она. Опять откуда-то появился араб со своими неизменными пледами. Женщины одобрительно их разглядывали, щупали, переворачивали, не выказывая ни малейшего желания купить.

Вскоре араб присел и у моего шезлонга.

— Твоя купит плед? — спросил он, широко улыбаясь и нажимая на «и». — Такой плед! Тридцать тысяч? Двадцать?

Отказ не обидел его. Он спокойно свернул отвергнутый плед и раскинул новый, на этот раз с одноцветным узором.

— Твоя хочет такой?

Это был не плед, а коврик, который называют у нас «молитвенным».

— Ковер Илидина! — опять широко улыбнулся араб.

Он два или три раза повторил «ковер Илидина», пока до меня дошло, что это значит. Я улыбнулся ковру Аладина и невежливо уткнулся в раскрытую книгу, показав арабу, что торг окончен. Он учтиво попрощался со мной и пошел к зонтику, под которым расположилось немецкое семейство. Энергичная фрау тщательно разглядывала товар, щупала, спрашивала цену, торговалась.

— Какой хочешь цена?

— Тридцать тысяч.

— А за это какой?

— Двадцать тысяч.

Перед ней он тоже расстелил маленький зеленовато-коричневый коврик.

— Твоя купит ковер Илидина?

— Какой цена?

— Скажи, что купишь. Хороший ковер. Волшебный. Будешь на нем летать.

Немка не поняла. В разговор вступил муж — он лучше понимал итальянский и, раскинув руки, начал показывать, что означает «летать».

Самый младший мальчишка тут же полетел вокруг зонтика, загребая ножками песок.

— Pass auf! Pass auf! — закричала мать.

Мальчуган, конечно, спланировал на ковер. Но араб аккуратно снял его.

— Сначала купи, потом летай, — улыбнулся он, обнажив два ряда белоснежных зубов.

— Was sagt er? Was sagt er?¹ — спрашивала немка мужа.

---

¹ Что он говорит? (нем.)

Тот послушно перевел.

Мальчуган с восторгом поглядывал на коврик и уже примеривался, в какую минуту поднять вой. Но фрау не мешкая стала собирать вещи. Все бросились поспешно заталкивать в сумки купальники, майки, кофточки, термосы, совочки, ведерки, надувные круги, игрушки, остатки бутербродов, ведро для мусора — все, что нужно немецкой семье для целого дня на пляже. Араб, однако, не спешил уходить. Малыш глаз не сводил с коврика. Уже идя к машине, он то и дело оборачивался, но отец неумолимо тащил его за руку.

Мы остались с арабом вдвоем. У ног плескалось подернутое печальной дымкой море.

Араб встал, поправил на плече тук с пледами, стряхнул с коврика песок, с какой-то непонятной нежностью снова расстелил его, сел на коврик, по-турецки скрестив ноги и... взлетел. Я поспешил задрать голову, чтобы следить за его полетом. Улыбающийся араб на маленьком коврике летел над пляжем, над крышей пансионата, над портом Гарибальди, над каналом, по которому курсировал вечно простуженный паром. Он летел к солнцу, оно походило теперь на большой, холодный апельсин, висевший в густеющей пустоте. Конечно, он улетал в Комаккьо.

ИГРА В ЧЕТЫРЕ УГЛА

Представьте себе прямоугольный лужок метров этак двадцать на тридцать. У той стороны, что ближе к дому, растут сосна, магнолия и липа. Вдоль противоположной стороны тянется металлическая стенка, отделяющая участок госпожи Сантони, учительницы на пенсии и вдовы, от соседнего двора; здесь растет ливанский кедр, а в середине пустое место. Нет ничего и в центре прямоугольника, на пересечении диагоналей. Эту умиротворяющую симметрию вдова Сантони созерцает уже пятнадцать лет, на ее глазах с липы падают листья, цветет и отцветает магнолия, на кедре, который от года к году все гуще, в шишках созревают орехи. Их так нудно вылуцкивать из шишек, а они такие вкусные — и в торты идут, и в зеленый соус.

За домом несколько клумб с цветами и ровные аккуратные грядки, где растут помидоры, салат и тыквы. У госпожи Сантони была любимая шутка. Позовет соседских ребят и угощает вареной тыквой, чего дети, как известно, терпеть не могут, а на второе ставит на стол жареную картошку, потом клубнику со сливками, мороженое — и в довершение всего торт, обсыпанный толчеными кедровыми орешками.

Участок разделялся домом на маленький двор и большой, и там и здесь — смородина, карликовые гранаты, они вносят художественный беспорядок, нарушая безупречно прямые линии сада и огорода. Учительница

Сантони богатым воображением не отличалась и любила все прямое и правильное.

И вот в одно прекрасное утро заведенный порядок полетел вверх тормашками. Учительница Сантони выглянула, по обыкновению, из окна поприветствовать своих зеленых друзей и глазам своим не поверила. Она и правда увидела невероятную картину. Магнолии, которая очень беспокоила госпожу Сантони — среди ее темно-зеленых листьев забелел первый бутон, — не было на обычном месте в середине одной из сторон прямоугольника. Где же это она? Да вон где — в самом центре, на пересечении воображаемых диагоналей, вернее, вполне реальных для тех, кто не забыл геометрии. Магнолия росла как ни в чем не бывало метрах в десяти от того места, где ее посадили госпожа Сантони с мужем много лет назад. Посадили, полили, взрыхлили землю вокруг — расти себе, голубушка, на здоровье. И ничего другого поблизости до самого центра, конечно, не стали сажать.

«Не может этого быть!» — сказала себе пораженная учительница.

— Не может этого быть! — воскликнули по телефону одна за другой ее приятельницы, которым она поведала это невероятное происшествие.

— Я прекрасно помню, магнолия всегда росла посередине, — тоном, не допускающим возражения, заявила учительница Амброзоли, пользовавшаяся очень большим авторитетом в педагогических кругах. — Да, всегда. Иначе как бы она могла там оказаться сегодня утром? Что это, по-вашему, живой предмет?

Если бы выражение «живой предмет» встретилось госпоже Сантони в сочинении какого-нибудь ее ученика, она непременно подчеркнула бы его синим карандашом. Надо говорить «живое существо», а не «живой предмет». Но в эту минуту она была так озадачена, что подобная мелочь не задержала ее внимания. Она ошеломленно глядела на свою магнолию, и ее даже не радовал прекрасный белый цветок, видневшийся среди крупных глянцевых листьев.

Учительница Сантони была совершенно сбита с толку. Стала вспоминать, не выкидывала ли ее память и раньше подобных штук? А вдруг это результат склероза, очевидно уже очень далеко зашедшего? Надо немедленно навестить к доктору Алонджи. Он так внимательно относится к пожилым людям, особенно к учительницам-пенсионеркам.

«Завтра непременно пойду к нему, — решила она. — Сегодня очень много дел в огороде».

Но наутро ее ожидал новый сюрприз. Пошла она посмотреть, поспела ли смородина. А на месте магнолии в центре прямоугольника — ли-

ванский кедр. Он широко раскинул ветви, точно радовался, что наконец-то может свободно дышать. А магнолия приютилась в западном углу сада на месте одной из сосен. Сосна же заняла тот угол, где вчера стоял ливанский кедр.

— Господи помилуй! — ахнула учительница Сантони. — Если бы я не знала ботаники, я бы решила, что они играют в четыре угла! Но я ведь учила ботанику!

Она тут же вспомнила школьный двор, где мальчишки и девчонки играют в четыре угла. А потом и себя, свой дворик, где она играла в детстве. Ух, как надо было мчаться, чтобы занять пустой угол четырехугольника! А кто окажется в центре — тот проиграл и вылетел из игры.

— Господи помилуй! — опять прошептала она, боясь, что просто сходит с ума.

Позвонила учительница Амброзоли и говорила с ней еще более строго и беспрекословно.

— Моя дорогая Сантони, все это чушь! За редким исключением, да и то это к нашим садам не относится, все растения рождаются, растут и умирают на одном месте, прочно пустив в землю корни. Вам надо обратиться к хорошему главному врачу. Я бы порекомендовала доктора Вербиграция. С пенсионерок он много не берет, у него мать тоже была учительницей. Работала знаешь где?..

Но госпожа Сантони не могла больше слушать — перед ее глазами был совсем другой сад. Верь не верь, а деревья опять поменялись местами. Она стала ощупывать их — ведь она знает каждую бороздку, каждую вмятину у них на коре. Она сажала их вместе с покойным мужем, это он захотел посадить магнолию с липой. В детстве он ходил играть в парк, где было много магнолий, а липовым цветом его поила от простуды его покойная мама. А вот уже и его нет. Ушел на пенсию и через полгода умер. Так часто бывает, когда у человека вся жизнь в работе.

В ту ночь госпоже Сантони не спалось. Она пошла в гостиную, встала у окна и смотрела в сад сквозь приоткрытые жалюзи. Ей хотелось разгадать тайну своих деревьев. Она ждала не один час. А за окном то пробежит готовый к сражению кот, то проползет осторожный ежик или печально заушает сова. В комнате поскрипывала мебель, точил дерево жук. Сад был окутан туманом, луна в эту ночь не спешила взойти. Но вот наконец сад залило ее легким, призрачным светом. И в ту же секунду деревья, как по команде, стали бесшумно вылезать из земли. Вылезли и давай играть в четыре угла. Кто быстрее, кто медленнее, короткими перебежками спешили занять освободившийся угол. Липе не повезло, она

и туда бросалась и сюда, но другие деревья оказались проворнее, и ей пришлось удовольствоваться центром прямоугольника.

Учительница Сантони стояла у окна и улыбалась. Улыбалась себе самой, своим приятельницам, даже непреклонной госпоже Амброзоли. Улыбалась врачам — терапевтам, глазным и всяким другим специалистам. А главное, тому, что происходило перед ее глазами. Ей очень приятно было, что она не сошла с ума, что ничего ей не пригрезилось — деревья в ее саду и в самом деле вздумали поиграть в четыре угла.

— А ведь мои деревья и правда перебегают с места на место. А собственно, почему бы и нет? — шептала она себе. — Что мы понимаем в деревьях? Разве мы знаем, каковы у них планы на будущее? Может, растения решили догнать животных? Эта мысль ей очень понравилась.

Надо обязательно поговорить с завучем Ло Форте. Это ее последнее начальство, и он еще работает, не на пенсии. Он так всегда хорошо относился к учительницам постарше. На них ведь вся школа держалась, если уж говорить честно.

Госпожа Сантони написала ему письмо, рассказала, что увидела ночью в своем саду, и спросила совета, что делать дальше.

Скоро пришел ответ. Господин Ло Форте в самом уважительном тоне советовал ей не делать поспешных выводов, которые могли бы оказать пагубное действие на учебный процесс.

— Что верно, то верно, — согласилась госпожа Сантони. — Поспешить — людей насмешишь.

Но вскоре ей опять пришлось обратиться к услугам почты. Деревья все продолжали игру, но на сей раз не они заставили ее взяться за перо, а коты да еще кошка Далила, которая была такая толстая — хозяин ее был пекарь, — что не могла пролезть сквозь ячейки ограды. Однажды ночью деревья играли в четыре угла, как всегда, резво и без единого звука. Вдруг госпожа Сантони слышит чей-то тихий разговор, почти шепот, не громче двух децибел.

— Молодец сосна, — говорит один голос. — Ее врасплох не застанешь.

— Что верно, то верно — бойка, — отвечает другой. — А вот липа трусиха! И чего боится? Вот уже неделю — шагнет на метр от угла и назад. Ну какая это игра?

Учительница Сантони хотела не поверить ушам. Но поверила — ведь и глазам недавно не хотела верить. Разговор этот вели соседские коты. Они нередко заглядывали в сад к госпоже Сантони перекусить в неурочный час мышкой или поухаживать за очаровательной кошечкой синьоры Амброзоли, большой любительницей далеких прогулок.

Скоро к кошачьему дуэту присоединился еще один голос. За железной сеткой сидела Далила и жалобно мяукала.

— А я как же! — стонала она. — Мне ничего не видно! Что сейчас делает ливанский кедр? Где магнолия? Да помогите же мне пролезть!

— Лезь сама, — откликнулся один из котов. — Сожмись посильнее, как мы, и лезь!

— Так вот оно что! — воскликнула госпожа Сантони. — Впрочем, ничего удивительного. Растения превращаются в животных. Значит, животные должны подняться на следующую ступень. А следующая ступень — это человек. Сам человек, правда, принадлежал (глагол по правилам грамматики в мужском роде, поскольку человек — мужского рода, но женщины тоже подразумеваются), так вот, человек принадлежал и принадлежит к животному царству. Но еще тысячелетия назад царство это разделилось на высшую ступень и низшую. У нас есть культура, есть членораздельная речь. А у кошек, мышей или блох этого нет.

Как и следовало ожидать, в этом месте по ходу размышления у госпожи Сантони сам собой возник новый вопрос:

— Если животные уподобятся человеку, а растения станут животными, кто же будет вместо растений? — спросила она себя.

На другой день надела она удобные для долгой ходьбы туфли и отправилась в горы. Она брела по каменистым тропам, по которым ходила когда-то с учениками, изучая неживую природу. Спустилась к горной речушке, которая мчалась вниз, бурля, пенясь и ворочая на дне большие камни. Постояла, посмотрела на речку, на скалистые берега и улыбнулась. На одной скале расцвел рододендрон, на другой ландыш, на третьей фиалки. Прямо на камне, а разве на камне можно укорениться, да и стеблей не видно. Одни цветки — розовые, лиловые, белые. Скалы цвели! Выходит, место растений займут минералы?

— А мы-то как же? — забеспокоилась учительница Сантони. — Как же человек? Он-то (и «она», конечно, тоже, хотя женский род не фигурирует обычно в научных определениях), он-то куда идет?

Госпожа Сантони собралась с духом и принялась внимательно себя рассматривать, начиная с ногтей на пальцах рук. То, что она увидела, несколько не удивило ее в свете последних событий. Она знала немного минералогию и безошибочно определила, что один ноготь у нее из гематита, а соседний, без сомнения, из благородного серпентина, который встречается в Пьемонтских Альпах. Ноготь на безымянном, по всей видимости, из яшмы, а на мизинце как будто из боросиликата алюминия.

«Так, значит, я камению, — заключила учительница Сантони. — Что ж,

это логично. Ни капли не удивлюсь, если через неделю одна нога у меня будет из апуанского оникса, а другая из кристаллического рубелита. Может, сейчас, в эту самую минуту, у меня в костях образуются лазурит и малахит. А возможно, и корунды, бериллы, аквамарины и даже изумруды!»

Ну уж нет, на этот раз она будет писать не завучу! И она послала письмо в Рим, министру народного просвещения. Послала длинное письмо, в котором изложила суть своего открытия, приложив собственноручные схемы и рисунки. В письме она предлагала включить ее открытие в новые учебные программы. «Природа,— писала она каллиграфическим почерком без единой ошибки,— находится в преддверии великих перемен. Камни становятся растениями. Растения превращаются в животных. Животные приобретают свойства человека, а человек перерождается в камень. Людям ничего больше не остается, как перейти в состояние минералов, что в действительности и происходит. Мы стали свидетелями своего рода глобальной игры в четыре угла. Таким образом, природа, не в обиду ей будет сказано, обнаруживает свою игривую сущность».

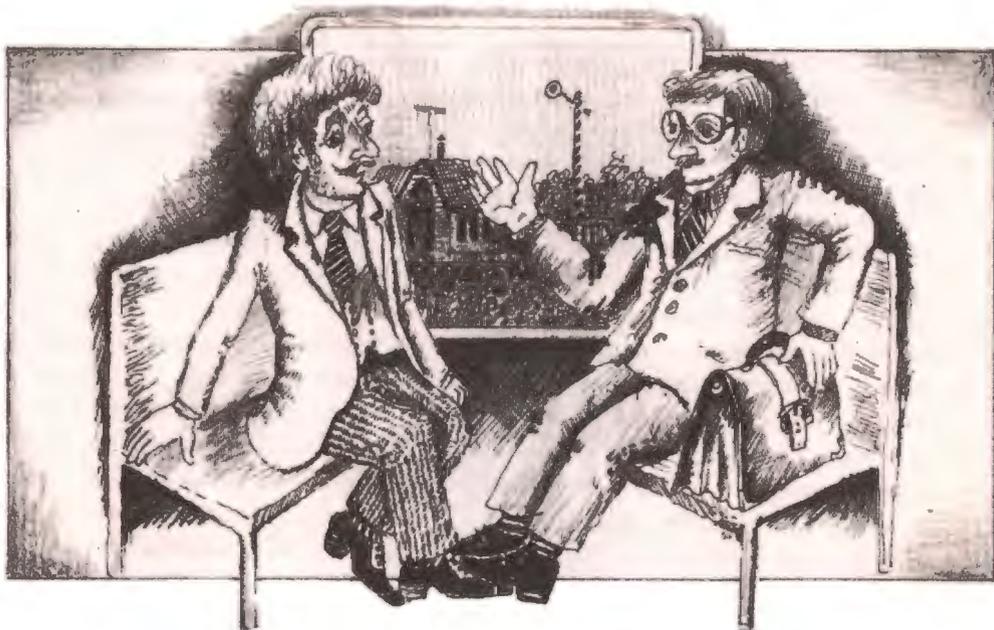
Ответил ей, представьте себе, сам премьер-министр — какое похвальное внимание к письмам пенсионеров.

«Милостивая государыня,— писал он,— но ведь игра в четыре угла требует пятерых участников. А в описанном вами мировом процессе я насчитал только четырех. Может, есть и пятый? Благодарим Вас за Ваше письмо, просим и в дальнейшем держать нас в курсе Ваших исследований. В ближайшее время учебные программы пересматриваться не будут в соответствии с приказом за номером...»

Госпожа Сантони читала письмо и грустно улыбалась. В глубине души она ничего другого и не ожидала. Сколько писем она послала министру, еще работая в школе! И все без толку. Говоря откровенно, она никогда и не рассчитывала, что ее поймут. Не рассчитывает и теперь. Ну и пусть. Будет одна наблюдать, как играют в четыре угла деревья, как овощи водят хороводы в огороде, какие выписывают на грядках геометрические фигуры, силуэты невиданных зверей, буквы таинственных алфавитов! Пусть никто больше не слушает, как беседуют ночью коты, и она одна будет любоваться цветами, расцветшими на стенах дома, и черным тюльпаном, распустившимся прямо на черепице крыши. А пройдет немного времени, и сама она станет ценнейшим экспонатом минералогического музея в собственной школе. Ей тоже любопытно — кто же будет пятым в этой игре? Марсиане? Или какая-то неведомая на земле новая форма жизни?

Учительница Сантони старательно выписывает последний вопросительный знак и улыбается. Она вспоминает, что ее ученики иногда ошибались и ставили вместо восклицательных знаков вопросительные и наоборот. А один мальчик даже как-то в конце сочинения поставил не точку, а запятую. И она повисла над бездной. Вот так: ,

В ПОЕЗДЕ

— Вы, значит, коллекционируете рояльные клавиши? — живо заинтересовался мой попутчик.

Мы ехали с ним по Северной железной дороге, соединявшей Милан и Лавено; поезд шел по берегу озера Лаго-Маджоре; мы смотрели в окно и, как водится, разговорились.

— Простите меня,— продолжал он.— А каким же образом? Я хочу спросить, как вы это делаете? Воруете клавиши до концерта или после?

Чтобы избежать допроса, пришлось признаться, что я пошутил. Мой сосед выслушал меня чрезвычайно любезно.

— Простите мое любопытство,— улыбнулся он.— Дело в том, что я коллекционер. И для меня это не просто хобби, а некоторым образом семейная традиция. Род наследственного недуга.

— А кто же, извините за нескромность, был первым бациллоносителем?

— Мой дед с отцовской стороны. Вам доводилось бывать в Асколи Пичено?

— Доводилось. Но очень редко. Чудесный город, правда, несколько на отшибе. Далековато...

— Ну что вы! Теперь такие дороги, из любого большого города до Асколи рукой подать. Если окажетесь в наших краях, заходите ко мне. С удовольствием покажу вам дедушкин сундучок с коллекцией.

— Надеюсь, там не рояльные клавиши?

— Нет, конечно. Железнодорожные билеты. Дедушка коллекционировал станции. Он еще в детстве решил побывать на всех станциях в Италии, больших, маленьких и полустанках, на главных магистралях и ветках, частных и государственных. Выйдет на какой-нибудь станции, купит билет до следующей и уезжает с ближайшим почтовым поездом, знаете, которые останавливаются у каждого почтового столба. Сорок пять лет подряд в каждый свободный день, включая праздники, даже религиозные, он ездил пополнять свою коллекцию. По билетам в его сундучке видно, что за всю свою жизнь он не пропустил в Италии ни одной станции.

— Наверное, ваш дед был большим знатоком вокзальной архитектуры?

— Бог с вами! На архитектуру он не обращал никакого внимания. При чем она здесь? Он и в зал ожидания-то не входил, разве что изредка — переночевать, если не осталось денег на гостиницу. Ему нужно было только окошко, где продаются билеты. Он и на вокзальное здание смотрел только затем, чтобы сверить название станции с указанным на билете.

— Сорок пять лет! Какая трогательная привязанность к нашим итальянским железным дорогам.

— Билет на последней станции мой дедушка купил в шестьдесят восемь лет, он уже был тогда четыре года на пенсии. Станция эта Крочиккье, на дороге Рим — Витербо. Он был там по соседству двадцать семь лет назад на станции Ангвилларе. Но по ошибке сел в поезд, который в Крочиккье не останавливался.

— Представляю себе его радость — положить в карман вожделенный кусочек картона!

— И не говорите! Купил он свой последний билет, пропустил ближайший поезд и зашел в деревенскую остерию — позволил себе бутылку сухого шипучего. Потом вернулся домой в Асколи, спрятал билет в сундучок, записал в дневнике «Geduld ueberwindet alles» и захлопнул его навсегда. По-немецки это приблизительно значит: «кончил дело — гуляй смело». Дедушка — не помню, сказал я уже или нет, — в промежутке между поездками преподавал в школе немецкий язык и литературу.

Мой сосед устремил взор в окно. Глаза его увлажнились, и ему, наверное, не хотелось, чтобы я заметил его слабость.

— Так вы приезжайте ко мне в гости,— отогнал он от себя дымку воспоминаний.— Постарайтесь подгадать так, чтобы увидеть наш карнавал. Кто не был в Асколи, тот понятия не имеет, что такое Масляный четверг в Италии. Нате-ка, взгляните.

Он достал из портфеля фотографию и протянул ее мне, дружески улыбаясь.

— Это что, карнавал в Асколи? — спросил я, протягивая руку.

— Ну что вы! Это моя бабушка.

— Супруга дедушки?

— Не только супруга, его самый верный друг.

С фотографии смотрела миловидная женщина, одетая по моде 1910 года. Ничего особенного, женщина как женщина, в глазах ехидца. Не зная, что сказать, я несколько раз одобрительно кивнул.

— Видите у нее в руках сумочку?

— Довольно элегантная, но, пожалуй, немного великовата.

— Это вы верно заметили. Бабушка была самой элегантной женщиной во всем Асколи. Но дело не в этом. В одной из поездок бабушкина сумочка по вине носильщиков пропала. Мы ее долго искали, всех спрашивали, обещали вознаграждение. Напрасно — сумочка исчезла навсегда.

— Эта сумочка, наверное, была чем-то для вас дорога? — спросил я.

— Еще как дорога! В ней бабушка хранила свою собственную коллекцию.

— Как интересно! Попробую угадать, какая это была коллекция. Размеры сумочки таковы, что вряд ли бабушка собирала крупные вещи: мебель барокко, например, старинные плуги, виолончели или зонтики. Значит, что-то мелкое. Редкие марки?

— Холодно.

— Бриллианты?

— Совсем холодно.

— Граммофонные иголки? Кнопки?

— Тридцатиградусный мороз. Ладно, так уж и быть, я вам намекну. До дедушки руки моей бабушки добивалось по меньшей мере сто пятнадцать молодых людей из лучших семей Асколи и его окрестностей.

— Письма с предложением руки и сердца?

— Опять холодно. Ну еще подскажу, многие молодые люди, которых бабушка отвергла, сумели справиться с горем, женились, сделали карьеру и окончили дни свои в довольстве и достатке, окруженные детьми и

внуками. Но были и такие, что не нашли в себе сил справиться с нанесенной раной. И у них развилась какая-то странная душевная болезнь. Может, это были слабонервные люди, а может, просто они сильнее любили... Вы слышали когда-нибудь о столпниках?

— Столпниках? — изумился я. — Ах, да, это какие-то древневосточные отшельники. Они удалялись от мира и жили на столпах. Разумеется, я о них слышал, но не очень-то в это верю. Ну как, например, они справляли естественную нужду? Стоя на столпе и оскандалиться недолго. Однако авторитеты утверждают, что столпники действительно существовали. Значит, отвергнутые бабушкой женихи делались столпниками?

— Угадали. Их было двадцать семь человек. Один за другим удалились они в долину Тронто и подвизались там на столпах — кирпичных или из белого камня. Столпы стояли в самых глухих местах — на болоте, в лесу, у речной излучины.

— А чем же они питались, эти современные жертвы любви?

— Родные заботились. Каждая семья на свой лад. Одни столпники держали у себя на площадке корзинку с веревкой, придет слуга с едой — они ее и спустят. Другим подавали всякую снедь на длинном шесте: ну там цыплят, овечий сыр, копченую колбасу, груши, персики — смотря по сезону. Так вот они и жили.

— Бедняги! Торчать день-деньской под открытым небом в жару и ненастье!

— И представьте себе, только один согласился взять с собой зонтик. Все-таки какое-то укрытие на случай дождя. Такой огромный зонтик, зеленый; знаете, какие священники носят.

— Наверное, они все время чихали и сморкались?

— Очень редко. Они ведь были как на подбор спортсмены, молодые, здоровые. Они и на столпах как-то ухитрились упражняться. Один даже стал йогом. Но года через два-три им это все-таки наскучило, и они слезли со своих столпов — не выдержали. Ну и разъехались кто куда. Один в Турин, другой в Гватемалу, кто-то стал моряком, кто-то уехал на Восток и стал коммерсантом. По всей земле разнесли славу о нашем городе.

— И правильно поступили, что спустились на землю. Очень рад за них и за их семьи. Только при чем тут бабушкина коллекция? Покончи они с собой, она бы могла хоть разбитые сердца коллекционировать, а тут...

— Бедная бабушка! Вы представляете ее какой-то Мессалиной¹. А она

---

¹ Мессалина — жена римского императора Клавдия, отличавшаяся властолюбием и жестокостью.

была добрая, сердечная женщина, немножко, пожалуй, кокетка, но в меру. Когда очередной искатель руки, отвергнутый бабушкой, вставал на суровую стезю схимника, она тайком посылала по его следам верного человека, и он незаметно фотографировал новоявленного столпника, как тот сидит на своем столпе, поджав ноги по-турецки. У нее в сумочке хранилось двадцать семь фотографий юных мучеников двадцатого века. Эти фотографии — исторический документ, милостивый государь, имеющий огромную ценность.

— Как жаль, что они потерялись...

— И что вы не поверили ни одному моему слову.

— Да нет же, — возразил я. — Я верю вам. Представьте себе, я вам правда верю.

— Благодарю вас, — грустно улыбнулся мой спутник. — Но вы говорите это просто из вежливости. А как приедете домой, расскажете своей жене и друзьям, какую ахинею можно иногда услышать в поезде.

— Уверю вас...

Мой сосед безнадежно махнул рукой, как отмахиваются от надоевшей мухи.

Едем дальше. Немного погодя мой попутчик опять нарушил молчание.

— Вот если бы вы были в Асколи на последнем карнавале, — сказал он, — вы бы увидели столько занятного. В город съезжаются ряженные со всех окрестных городков и деревень. Помню, однажды шел человек, изображавший колонну. Сам он закутался в простыню. А на плечах возвышалась белоснежная колонна с изящным капителем. Она ему и голову закрывала, видел он сквозь дырочки, просверленные на уровне глаз. Зрители спрашивали, что означает эта колонна. И маска отвечала: «Это аллегория, я кардинал Колонна¹». На самом-то деле он нарядился так в память о столпниках. А главное, в память о бабушке. Потому что кардиналом Колонной, милостивый государь, был я сам.

Теперь пришел мой черед улыбнуться. Мы ненадолго замолчали.

— А отец ваш тоже что-нибудь коллекционировал? — прервал я молчание.

— Ну разумеется. Я ведь говорил вам — это вроде наследственного недуга. Дедушка собирал железнодорожные станции, бабушка — отвергнутых поклонников. А мое хобби — если позволите употребить это довольно противное, но имеющее смысл слово...

---

¹ Кардинал Джовани Колонна — римский меценат и покровитель поэтов, ему посвящал стихи Франческо Петрарка (1304—1374).

— Какое же у вас хобби, если не секрет?

— Конечно, не секрет. Но сначала о моем отце. Он был весьма заметной фигурой в городе. Любил шутки, веселье. Многие наши карнавалы знамениты благодаря его выдумке. Я вам расскажу об этом, когда вы приедете ко мне в гости.

— Непременно приеду.

— Весьма обяжете. Я вам покажу отцовскую коллекцию. Она выставлена в его библиотеке, в нескольких шкафах.

— Значит, его хобби — книги?

— Холодно. Сделайте еще попытку.

— Нет уж сдаюсь. В вашем роду коллекционируют самые непредсказуемые вещи.

— Тогда слушайте. В детстве у моего отца были роскошные локоны. И он походил на прелестную девочку. Но в те времена, к сожалению, было принято коротко стричь мальчиков. Бабушке очень не хотелось, но пришлось подчиниться тогдашней моде. И мягкие светлые кудри любимца и баловня семьи упали под безжалостными ножницами. Но бросить их в печку у бабушки не хватило духу. Она осторожно собрала их, спрятала в конверт, написала и убрала в ящик, где хранились самые дорогие вещи. С тех пор она так поступала со всеми отрезанными локонами сына. На мальчика это произвело столь сильное впечатление, что очень скоро у него родилась мысль...

— Понял! — воскликнул я. — Он...

— Вы не ошиблись! Мой отец всю жизнь коллекционировал собственные остриженные волосы! Тридцать семь лет он стригся у одного парикмахера. И каждый раз, сидя в кресле, не забывал подобрать и положить в конверт остриженную прядь. А придя домой, ставил на конверте дату, писал памятную записку, вроде того, например: «Острижены к свадьбе дяди Филиппо» или: «Отрезаны по случаю помолвки моего друга Л. М.», ну и тому подобное. И заносил очередное приобретение в каталог. Не буду утомлять вас подробностями. Но вы только подумайте — вся человеческая жизнь запечатлена в этом его собирании волос. Сначала светлые локоны, потом каштановые пряди, более жесткие и длинные, и, наконец, — седые и мягкие. И каждая прядь — целая история: болезни, волнения и всякие события, начиная от домашних и кончая государственным и даже мировым масштаба. Италия, если вы помните, вступила в войну в 1940 году. И мой отец в этот трагический день остригся. Нет никакого сомнения, что это несчастное событие наложило свой отпечаток на шевелюру отца. Как вы думаете?

— Наверное, у психологов и физиологов можно найти на этот счет какие-нибудь соображения.

— Я предлагал папину коллекцию разным университетам на благо науки и общества, причем предлагал безвозмездно. Но косность, как известно, очень трудно преодолевается.

— Вот вы сказали, — заметил я, — что отец тридцать семь лет собирал свои волосы. Он, как видно, довольно рано остыл к коллекционированию?

— В сорок два года, — вздохнул мой сосед, — отец совершенно облысел. И он не вынес этого удара судьбы. Судьба ведь довольно коварная дама. Ей ничего не стоит зло пошутить над слабым человеческим существом. Короче говоря, отец заболел с огорчения и в одночасье умер. И вот теперь эту семейную традицию продолжаю я один.

— Вы тоже коллекционируете волосы? — спросил я.

Мой спутник не ответил. Он уже несколько времени озабоченно смотрел в окно. Его явно что-то встревожило. Поезд, мчавшийся на всех парах, теперь пошел тише.

— Боже мой! — воскликнул мой сосед. — Да ведь мы уже в Традате. А я думал, что сейчас будет еще только Саронно! Извините меня, я ненадолго покину вас.

И он поспешно бросился к выходу.

— Вы чемодан забыли! — крикнул я вдогонку.

— Ничего, я сейчас вернусь.

Поезд подходил к станции, привычно лягнули тормоза. Из служебной будки вышел начальник станции в красной фуражке. Помахал двухцветным флажком, поговорил с контролером. И двинулся к локомотиву. Машинист, вытирая руки о тряпки, выглянул из окошка. Все как всегда. Хотя нет. По платформе сломя голову бежит человек: наверное, ищет вагон и боится опоздать. Пробежал один вагон, другой. Вот чудак — двери всех вагонов гостеприимно открыты. А он мчится дальше и на ходу что-то кричит, что — разобрать невозможно. И тут я узнал его — это мой спутник. Добежал он до начальника станции и остановился, едва переводя дух. Что-то произнес — начальник отрицательно покачал головой. Мой приятель повысил голос. Начальник станции в долгу не остался. Началась перебранка, грозящая дойти до рукоприкладства. Мой спутник хватает представителя власти за ворот и начинает его изо всех сил трясти. Тот как заорет: «Полиция!» На крик прибежал полицейский, схватил обидчика за руку и оттащил от начальника станции. Обретя свободу действий, начальник не замедлил дать свисток к отправлению.

Нарушитель спокойствия безропотно поплелся за полицейским, по его не лишенному приятности лицу блуждала печальная усмешка.

— Послушайте, — крикнул я, когда они поравнялись с моим окном. — Ваш чемодан!

— Ах да, я совсем забыл! — остановился у окна мой собеседник. — Давайте его сюда.

— А что случилось-то? — спросил я.

— Ничего страшного. Мелкие неприятности, как в любом деле. Я собираю свистки с каждой станции моего покойного дедушки. Осталась только Традате. И он у меня будет, уверяю вас. А забросит судьба в Асколи, приходите в гости. Мое имя...

Но тут локомотив оглушительно загудел, и я не расслышал его имени. Поезд тронулся, стал быстро набирать скорость...

Да, нелегко мне будет узнать, чем кончилась эта история.

ВОЛОКУША ИЗ ЧЕЗАРЕТТО

Волокуша был довольно плохонький вор. Толстяк, ростом не вышел, да и умишко так себе. Не вор, одним словом, а воришка. Звали его Филиппо Бернардини, а может, Бернардино Филиппини — никто этого толком не помнил. А кто что-нибудь помнил, говорит, что Волокушей его прозвали за походку — не идет, а ноги волочит, будто на нем все время опорки без задников. Но в тюрьме он вообще никаких башмаков не носил, а прозвали его потому, что в тюрьме у всех клички — кто Красавчик, кто Ловкач...

Как-то ночью — дело было на Рождество — Волокуша под покровом темноты стащил купол собора Святого Петра. Стащил и тут же его взяло сомнение — стоит ли игра свеч? До чего тяжеленный оказался купол! Десять раз шагнешь — и переваливай с одного плеча на другое. А тут еще с этойкой тяжестью беги! Дал деру — так уж беги без остановки!

«Жми, Волокуша, — подгонял он себя. Не вслух, конечно, чтобы не сбиться с дыхания. — Ну еще чуть-чуть. Сто метров — и твоя взяла!.. А помнишь, как прошлый раз попался? Захотелось пить, замешкался,

тут тебя и сцапали. Сцапать действительно сцапали, но водичка была хороша — свежая, прозрачная».

Тут Волокуша ощутил на губах холодную воду, и она даже забулькала у него в пересохшем горле.

«Какой же ты болван, Волокуша! Нет бы взять с собой фляжку! Ведь главное в нашем деле — скорее смыться... Давай жми, Волокуша! Наддай жару, Крепышок!»

Крепышок — другое прозвище Волокуши, полученное, когда он сидел первый раз в тюрьме. Любил он тогда говорить о себе: «Ростом не удался, но крепыш!»

— Какой ты крепыш, — сплюнув окурочек, как-то сказал один арестант постарше. — Разве что крепышок.

Прозвище и прилипло. Но прошли годы, и Крепышок сделался Волокушей. Теперь уж под пятьдесят, не очень-то разбежишься, да еще когда на горбу мешок с картошкой или там телевизор, или, как сейчас, стопудовый купол.

А тут как раз ехал на мотоцикле по площади Святого Петра ночной патруль. Имя полицейского тоже никто не помнил, звали его Глазастый. Был он парень что надо. Нет луны, а ему все равно — видел в темноте, как кот. А тогда и была безлунная ночь, тьма — хоть глаз выколи.

Едет Глазастый по площади, свернул было на Борго Пио, но по привычке оглянулся. И знаете, что он увидел? На знаменитом соборе купола нет. Куда же он мог деваться?

Глазастый резко затормозил, спрыгнул с мотоцикла, сдвинул на затылок фуражку и вперил взгляд в пустоту.

— Провалиться мне на этом месте... — изумился он и побежал за постовыми.

— Скорее на площадь! Купол кто-то украл! Ну и народ пошел!

— Что-что?

— Купол, говорю, свистнули!

— Иди проспись! Чего пил-то, красное, белое?

— Да трезвый я, ни в одном глазу! Идите посмотрите сами.

— А может, у тебя с головой что?

— Господи, не хочу я нагоняя. Еще подумают, что я сам купол унес. А я человек честный, у меня семья, дети. А не подумают, все равно ругать будут — недоглядел.

— Будешь еще заказывать бутылку по телефону, о приятелях не забудь. На нашу долю — три пива, два вина.

— Да вы сами взгляните! Ведь на носу Новый год! Видите — крыша, скат, а дальше ничего — пусто. Видите?

— Да разве в такую темень что-нибудь разглядишь?

— А вы взглядитесь. Видите, вон там — черная дыра.

— Я лично вижу хорошенькую блондиночку. Вот бы с ней прогуляться!

— Ладно, пойдемте тогда залезем наверх. Глазами не видите, так руками пощупаете. Убедитесь, что вместо купола пустое место.

— Куда идти-то? Там сейчас все заперто. Надо сторожа будить, двери отпирать. Потом искать ключи от лифта. А поднимемся наверх, все нас засмеют, скажут, что мы малость спятили.

Приуныл Глазастый. Если бы хоть луна была или месяц, ну хоть самый тонюсенький, самый что ни на есть молоденький месячишко, тогда бы еще можно было отстаивать свою правоту. А в такую темень никто не поверит. Да и свидетелей кражи нет.

Тут постовой, тот, что мечтал о блондинке, достает из кармана открытку. Он ее утром купил, чтобы послать в Трапани одной девушке — она коллекционировала виды городов.

— Смотри, — ткнул он пальцем в открытку. — Видишь, купол на месте.

На открытке был, разумеется, Рим с куполом Святого Петра в полнеба.

— Тоже мне нашел доказательство, — хмыкнул Глазастый.

— А что, не доказательство? Ну возьми тогда марки Ватикана.

— Хорошо, сделаем вот что, — в отчаянии решил Глазастый.

Сунул в рот полицейский свисток да как засвистит! Такие пустил рулады — наверное, перебудил всех и на том берегу Тибра.

— Тише ты! — крикнул один полицейский. — Не хватало на Новый год неприятностей. Еще папу римского разбудишь.

А папа римский, если следовать истине, в эту минуту не спал. Сидел и читал вечерние газеты — вот только когда руки до них дошли. Потом встал, подошел к окну, высунулся, чтобы глотнуть немного свежего воздуха. Темень была непроглядная, а кошачьих глаз у него не было, и он с легкой душой отправился спать.

На свист Глазастого сбежались еще полицейские, двое вагоновожатых с ночных рейсов, англичанин с собачкой, акушерка, возвращавшаяся с вызова, и епископ из Авелинно. Разузнали они, в чем дело, и давай плясать в темноту. Смотрели, смотрели, так что слеза прошибла, — и ничего не увидели.

— Луны не хватает, — сообразил англичанин.

— Без всякого сомнения, — согласился епископ. — Но можно выписать луну из Лондона, пока наша бастует.

— Лондон далеко. На этот случай сошла бы и луна из Фрозиноне, — резонно заметил один вагоновожатый.

— А вот прошлым летом, — затараторила акушерка, — я тогда гостила у золовки в Гуальдо Тадино, так вот, как сейчас помню...

— Послушай, Глазастый, — сказал полицейский. — Утро вечера мудренее. Солнце взойдет, и увидим, кто прав.

— Да ведь я...

— Что ты? Долг ты свой выполнил. Ну и плюнь на этот собор.

Глазастый чуть не плакал, как будто у него бабушка умерла. Все принялись его утешать.

— Мужайся, голубчик.

— Выкинь все из головы.

— Не мог же, в самом деле, Святой Петр допустить, чтобы с него стащили купол накануне Нового года!

Волокуша тоже едва не плакал. Адская тяжесть давила на ключицы, лопатки, загривок. За Аурелией он повернул направо и двинулся полями в сторону Казалотти. Ему нестерпимо хотелось скинуть купол на землю и немного передохнуть. Но он сказал себе: «Если я его скину, то уж обратно не взвалю. Взялся за гуж, не говори, что не дюж. Лукавый меня подбил спереть этот чертов купол!»

Вдруг — бам-м!.. — врезался в него велосипед — в темноте-то не видно. Хорошо еще, что медленно ехал.

— Никак, Волокуша?

— Ты, что ли, Пенсионер?

Пенсионер — тоже мелкий воришка, немного старше Волокуши. Он промышлял кур, кроликов, словом, всякую мелочь. «Это я к пенсии подрабатываю», — объяснял он. Но все знали, что никакой пенсии у него и в помине не было.

— Не угадал.

— А кто?

— Чезаретто, — ответил молодой голос.

— А-а, пекарь? Куда же ты в такую рань?

— На работу. Пекарни ведь еще до свету начинают. А что это вы тащите на плечах?

— Не твое дело! Крути педали, хозяин-то, чай, заждался.

— Господи, да это, никак, купол! Сколько же он весит?

— Почем я знаю? Килограмм тыщу, не меньше. Видишь, потом весь обливаюсь. Платок есть?

— Вы уж простите меня, но в вашем возрасте носить такие тяжести нельзя. Вы ведь мне годитесь в дедушки. От этого может быть двухсторонняя грыжа.

— Учи ученого!

— Да никто и не купит его у вас. Такие вещи спросом не пользуются.

— Вообще-то верно. Стянуть бы лучше индейку к празднику. Да-а, дал я маху. Ну-ка поддержи минутку. Я малость передохну.

Чезаретто прислонил велосипед к дереву, услужливо подставил спину и зашатался.

— Вот черт! А ведь я, кажется, привык мешки с мукой таскать.

— Я тебе говорил, тяжело. Ты меня... того... прости, Чезаретто, — вздохнул он. — Так уж вышло, в мои, понимаешь, годы... — Он еще раз вздохнул и влез на велосипед.

— Что ты делаешь? Волокуша! Эй! Велосипед украли! Перед самым праздником.

— Да не нужен мне твой велосипед, успокойся, не украду. У твоего дома к двери поставлю. Я больше шагу не могу сделать. Честное слово, совсем из сил выбился.

— А я так и буду здесь торчать с этой штуковиной? Еще платок тебе отдал! Вот и помогай после этого людям.

— Не сердись, Чезаретто. Я ведь уже старый, сам сказал.

— Поймал ты меня на удочку!

Но Волокуша был уже далеко, только велосипед в темноте поскрипывал.

«Что же мне делать? — ломал голову Чезаретто. — Вот здорово влип! Увидят, так еще скажут, я эту штуку стащил. Одно остается — бежать в Швейцарию. Бежать-то в Швейцарию можно — а деньги откуда? — сам себе возражал Чезаретто. — И что скажет невеста Россана? Ну как я ей объясню, что это Волокуша на праздник мне такой подарочек удружил?»

Думает он так, а ноги сами несут его к собору Святого Петра. Но тут уж и голова сообразила — другого выхода нет. «Поставлю на место — и дело с концом, — решил Чезаретто. — Тем более, по пути».

Пекарня его хозяина и правда была на Борго Пио. Дошел он до собора — было еще темно, рубашка — хоть выжимай. С носа пот капает, а вытереть нечем.

«Дам я ему еще раз платок, как же! — бормотал про себя Чезаретто. — Обирала проклятый! Велосипед-то он вернет, как сказал, а платок, наверняка заиграет. Скажет, что потерял».

Никто не встретился Чезаретто, никто не видел, как он водворял купол на место. Ну вот, слава богу, и все! Руки опять свободны. Он высморкался в подол рубашки, плюнул. И пошел в пекарню, ругая Волокушу на чем свет стоит.

А Глазастый все еще сидел у моста через Тибр на своем мотоцикле, уперев ногу в землю. Он знал Чезаретто — они встречались почти каждую ночь. Увидев пешего Чезаретто, Глазастый с удивлением спросил:

— Ты что, продал свой велосипед?

— Продал не продал, а нет его.

— Украли?

— Зачем украли — одолжил.

— А-а. Слушай, раз уж ты здесь, сделай такое доброе дело, взгляни на купол. Ничего особенного не видишь?

— Ничего. Все как на открытках.

Глазастый глянул вверх и себе не поверил — купол парил в небе, там, где всегда.

— Ну, я пошел. Всего. — И Чезаретто двинулся дальше.

— Всего... Хотя стой, ты тут, часом, не встречал этих... ну Дылду, Два Нуля, Верзилу из Трастевере или Волокушу?

— Волокушу? Волокушу... Нет, не встречал. Простите, на работу спешу.

— Ладно, проваливай.

Дождался Глазастый рассвета, сел на мотоцикл и поехал домой. Мотор ревел — можно оглохнуть. Но Глазастый был даже рад — заглушает всякие мысли.

Первые лучи солнца заиграли на серых стенах собора. Папа римский опять выглянул в окно и улыбнулся знакомой картине. Как всегда, по правую руку плавал в небе купол собора Святого Петра. Громадина — от основания до верхушки креста сто тридцать два метра пятьдесят сантиметров.

НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК

Жил-был один господин, пошел он по магазинам купить детям и племянникам подарки к Новому году. Но не будем все усложнять и запутывать, господин этот был я сам, хотя вообще-то я никакой не господин.

Ну так вот, отправился я по магазинам: захожу в один, другой, гляжу на витрины и чем дальше хожу, тем больше теряюсь. Я знал, чего искать, — игрушки, о которых я мечтал в детстве, но которых мне никогда не дарили. И вот я полдня хожу по магазинам, а никаких таких игрушек и в помине нет — видно, пылятся где-нибудь под прилавком, а то и вообще под лестницей.

В окнах витрин стоят такие игрушки, которых я отродясь не видал. Что это за диковинные штуки, как в них играть, что в них должно действовать — все это было для меня загадкой. Наверное, прежде чем идти в игрушечный магазин, надо было записаться на курсы современной игрушки, особенно электронной. Правда, я не уверен, есть ли такие курсы, но они так необходимы. Без них хоть плачь! Мамы и папы, бабушки и дедушки должны знать, чем интересуются и во что играют их чада

в наш атомный век — ведь чего только не выбрасывает на рынок мировая игрушечная промышленность!

— Идите сюда,— вдруг услышал я чей-то писклявый голосок.— Заходите, заходите, пожалуйста. Что без толку околачиваться у витрины. Я могу вам кое-что показать.

Голос принадлежал маленькому человечку, который стоял на пороге крошечной игрушечной лавки, у которой даже витрины не было. Кто знает, сколько времени я стоял здесь, устав от хождения по магазинам, и сколько времени наблюдал за мной этот маленький человечек, в глазах которого за толстыми стеклами очков пряталась странная усмешка.

На его личике все было крохотное — глазки, носик, ротик, усы, чернявая борода. Только очки огромные с толстыми стеклами.

— Вы что, продаете игрушки? — спросил я тоном вконец отчаявшегося человека.

— Да, пожалуй, продаю,— протянул человечек.— Во всяком случае, если кто захочет купить, могу продать.

— Позвольте мне в таком случае взглянуть на ваши товары.

В лавке было всего две табуретки и комод; на комод лежало несколько коробок — четыре или пять.

— Простите,— удивился я,— а где же игрушки?

— Сейчас покажу. Садитесь вот сюда, на табуретку.

Человечек взял с полки одну из коробок и вынул из нее какой-то прибор. Мне показалось, что это устройство для дистанционного управления телевизором. На нем было множество кнопок — одни, наверное, для регулировки звука, другие для цвета, для переключения программ.

— Какая же это игрушка? Такие приборы есть теперь в каждом доме,— разочарованно проговорил я.— Неужели вы думаете этим удивить ребенка?

— А вы думаете, он не удивится? — усмехнулся хозяин лавки.— Попробуйте нажать какую-нибудь кнопку. Ну, скажем, номер двадцать.

Я взял и нажал. В усмешке человечка опять промелькнуло что-то странное, даже подозрительное. Но в этот миг...

В этот миг лавка, человечек, римская улица, словом, все, что было вокруг меня, исчезло. Я все еще сидел, но не на табуретке, а в шезлонге. Шезлонг стоял на верхней палубе белого теплохода, а теплоход плыл по широкой полноводной реке, по берегам которой тянулся подступающий к самой воде лес.

«Неужто Тибр стал судоходным?» — изумился я. Но тут же выругал себя за такую глупость. Берега Тибра заставлены высокими домами.

над которыми парят купола, а тут густая зеленая чаща. Ко мне по палубе шел с подносом в руке матрос. На подносе бутылка минеральной воды и стакан.

— Гражданин, сто грамм водочки не желаете? — предложил он, ставя поднос на стол.

— Нет, спасибо, спиртное не пью, — ответил я.

Ответил и понял, что матрос говорит по-русски! И сам я тоже говорю по-русски, и на бутылке этикетка знаменитой советской минеральной воды. Лакированный столик расписан узорами, а поднос черный с большими яркими цветами. Такую красоту создают русские мастера: в наши дни за ними недалеко ходить — в ближайший римский универмаг.

Боже мой, куда это меня занесло? И как будто в ответ левый берег медленно пополз вверх, оставив внизу сумрачные ели вперемежку с белыми березами. И я увидел пологий холм, а на его вершине над купами деревьев — золотые луковицы православной церкви.

За церковь берег пошел вниз, река повернула, и взгляду открылась деревня — два ряда одноэтажных рубленых изб. Еще минута — и деревня позади. Теплоход, не останавливаясь, проплыл мимо пристани. «Мышкин» — успел прочитать я на вывеске.

Мышкин? Так звали молодого князя, главного героя романа «Идиот», принадлежащего перу великого русского писателя Достоевского. А раз деревушка называется этим именем, значит, мы в России. Вот, значит, куда я попал! А река, по которой я плыву, не иначе как Волга... Матушка-Волга, называют ее в России, ведь Волга по-русски женского рода; это на итальянском все реки мужского.

Сижу я в шезлонге и обо всем этом думаю. Радостно у меня на душе и как-то не по себе. Опять появился матрос, который приносил минеральную воду. Воспользуюсь случаем, поупражняюсь в русском. Знаю я этот красивый язык слабовато, так, может, хоть свой словарь пополню.

— Какая следующая остановка? — поинтересовался я.

— Город Рыбинск, — ответил матрос. — Завтра будем в Казани, послезавтра в Ульяновске, раньше он назывался Симбирск. А через три дня в Астрахани.

«Понятно, — подумал я по-итальянски, — мы на Волге, в верхней ее части. Что же дальше-то со мной будет? Об этом ведь не спросить матроса, каким бы любезным он ни выглядел. И капитан не сможет ничего ответить, и солдаты, что поют на верхней палубе. И к той милой девушке — она рассматривает сейчас берег в бинокль — бессмысленно обращаться...»

— Ну что? — осведомился человек, потирая руки.

Я опять сидел в его странной лавочке в Риме, на берегу Тибра.

— Простите, если я вернул вас слишком рано. Просто я хотел бы, чтобы вы познакомились со всеми возможностями этой игрушки.

— Что это за чертовщина?

— Никакой чертовщины, синьор. Просто, нажав на кнопку, вы попадаете в другой пространственный канал. Хотите еще попутешествовать? Что вам больше нравится — Азия или Африка? А может, Австралия? Ну, в общем, выбирайте сами.

— Хорошо-хорошо, выберу, — оторопело согласился я. — Какая кнопка в Нью-Йорк?

— Номер семь.

— А возвращаться всегда только с вашей помощью?

— Нет, зачем же, синьор. Видите кнопку с буквой «в». Нажмете ее и сейчас же вернетесь. Ну так счастливого пути!

Да, да, я побывал, не сходя с места, в Нью-Йорке. Любовался на город со знаменитого небоскреба Эмпайр Стейт Билдинг. А потом нажал кнопку — и опять в Риме в лавке у странного человека. Заглянул в Сингапур, прогулялся по Буэнос-Айресу, занесло меня даже в Капакабану.

— Ясно, — сказал я, покончив с путешествиями. — Прибор дистанционного управления меняет каналы у телевизора. А эта штука меняет каналы моего местонахождения в пространстве. Интересный э-э-э... агрегат. Как же это я о нем не слыхал?

— Ничего нет удивительного, — пожал плечами человек. — Пока что такие игрушки делаю я один. А я, знаете ли, рекламы не люблю. Не сомневаюсь, что в самом ближайшем будущем японцы додумаются до этого. И тогда подобные штучки будут на любой витрине рядом с электронными диковинами — знаете, на которых стоит «Made in Japan».

— Все может быть, — проговорил я. — Но ваш прибор — поистине чудо! И он ведь не только для забавы. Подумайте, какую он может принести пользу на уроках географии!

— А на уроках истории, если уж на то пошло?

— История? Уж не хотите ли вы сказать...

— Вот именно хочу. И не только скажу, но и покажу. Вы сейчас путешествовали в пространстве. А теперь я сниму вот эту панель, и вы сможете путешествовать во времени.

— Машина времени!

— Если хотите, да. Желаете попробовать? Какая эпоха вас привлекает?

Я задумался.

— Видите ли, я преподавал в гимназии латинский язык, — наконец заговорил я. — Было бы занятно воочию увидеть Юлия Цезаря. Я ведь много лет задавал ребятам переводить его бессмертные произведения.

— Мне больше по вкусу Гораций. Вот кто любил жизнь! Но хотите Цезаря — будет вам Цезарь.

И вот — о чудо! — я в древнем Риме, как раз в тот год, в тот день и час, когда злобные фанатики предложили Цезарю императорскую корону.

— Цезарь! — закричал я (разумеется, на латыни). — Не соглашайся! Откажись от короны! Они убьют тебя!

— Что этому типу надо? — спросил Цезарь стоящего рядом Брута.

— Тоже, верно, зарится на корону, — съязвил Кассий и усмехнулся.

— Цезарь! — заорал я что было мочи. — Они предадут тебя. Уже наточили кинжалы. Ждут только мартовских Ид.

— Что он такое несет? — не внимал моим мольбам Цезарь. — И на какой чудовищной латыни разговаривает!

Услышав из уст Цезаря такую оценку моей латыни, я прямо-таки лишился дара речи и не мог больше ничего объяснить диктатору. Ведь я больше сорока лет учил школьников этому прекрасному языку.

Тем временем Цезарь, веселый и довольный, в сопровождении свиты отправился к себе во дворец. А ко мне подошли три или четыре легионера с мечами в руках.

— Значит, позарился на корону? Хочешь стать римским императором? — закричал один. — Так и быть, сделаем тебя императором! Только сперва подари нам свою голову. А мы водрузим на нее корону!

И он занес надо мной меч! Что мне оставалось делать — я не мешкая нажал кнопку возвращения в XX век.

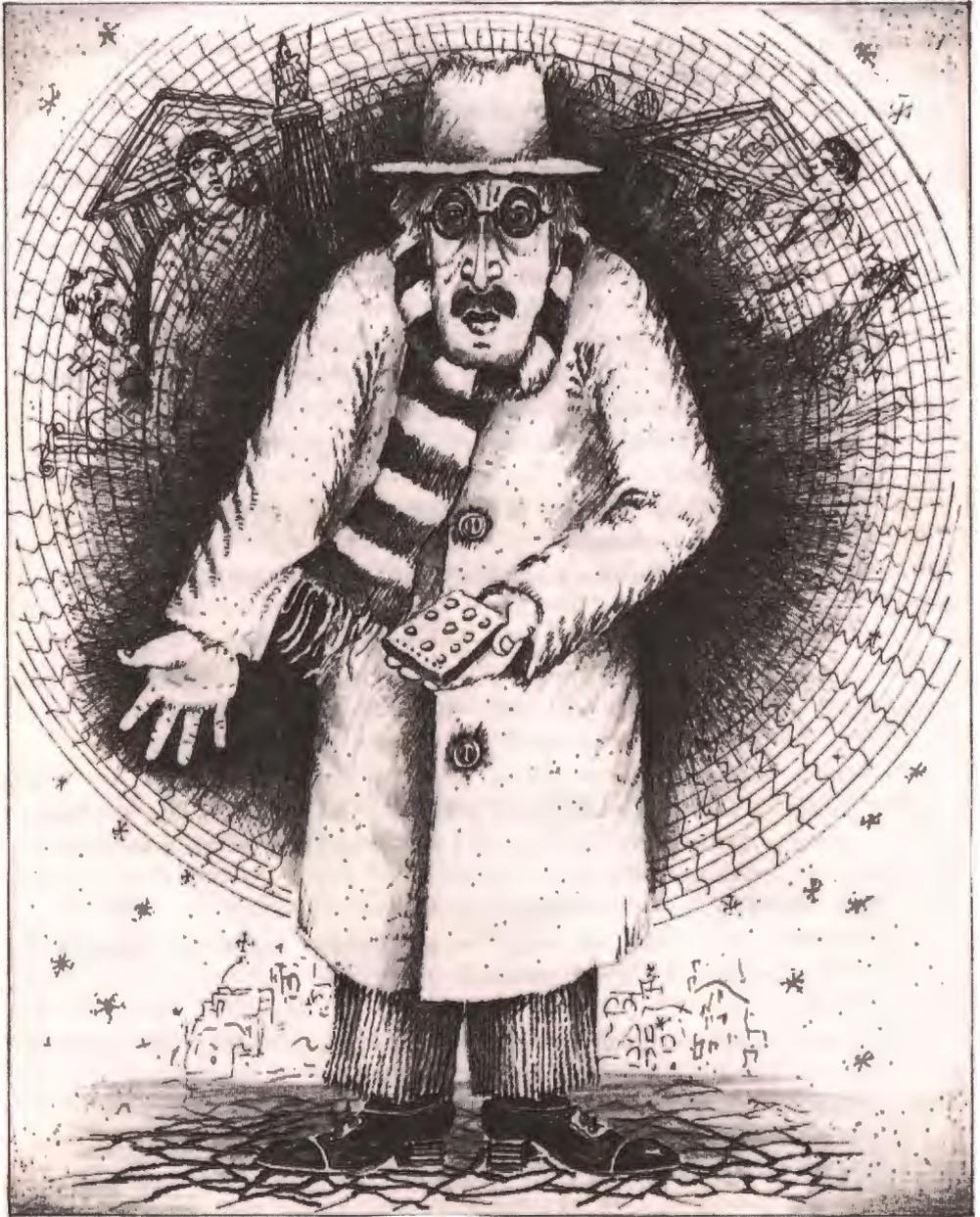
— Вижу, вытираете пот со лба? Жарко было в древнем Риме, а? — спросил человечек.

— Покупаю! — сказал я, вскочив на ноги. — Немедленно покупаю эту прелесть. И больше не буду ругать нынешние мудреные игрушки. С сегодняшнего дня я самый ярый противник всяких там деревянных лошадок и буратин.

— Не надо так волноваться. Вы еще полностью не освоили эту игрушку. В прошлое вы путешествовали, не хотите ли заглянуть в будущее?

— Неужели и такой канал есть?

— Разумеется. Есть и канал межпланетных путешествий. Я вам дам инструкцию, как пользоваться. Не хотите ли махнуть на Венеру или на Марс? А любимые созвездия у вас есть?

Любимые созвездия у меня были. Мне захотелось увидеть поближе звезду Антарес, красный гигант. В детстве я верил, что это моя звезда. Побывал я в ее окрестностях, походил по кольцу Сатурна. Добрался до края нашей Галактики, заглянул в другие миры. Стоило нажать кнопку — световые годы дорожкой стелились у меня под ногами.

И еще я увидел Землю в 200 000 году. Только я ничего об этом не буду рассказывать. Разве можно читающему детектив в самом начале называть имя убийцы!

Когда я вернулся из последнего путешествия, я понял, что без этой игрушки больше не смогу прожить ни одного дня.

«Если не очень дорого, — размышлял я, — куплю одну для Паоло, одну для Чечелии, одну для Луки, одну для Моники».

И конечно, одну для себя. В такую игрушку учитель латыни на пенсии будет играть с большим удовольствием.

— Дайте мне пять штук, пожалуйста, — повернулся я к хозяину лавки. — Сколько платить?

— Погодите, синьор, у меня есть еще кое-что не менее интересное.

— Неужели это возможно?

— Мне бы очень хотелось показать вам, по меньшей мере, еще одну вещь.

— Показывайте, сделайте милость.

— Смотрите. — И он протянул мне еще один аппарат: — Видите светящееся окошечко? А желтую кнопку видите? В левом нижнем углу?

— Да, вижу. В левом нижнем.

— Теперь направим окошечко ну хоть вон на ту картину.

Тут только я заметил на дальней стене картину. Скорее, не картину, а мазню доморощенного художника. На таких холстах обычно изображены сцены из популярных опер.

— Это что, «Трубадур»?¹ — спросил я.

— Конечно, нет! Разве не видите — из первого действия «Фауста»?

— Да, вы правы. Ну и что дальше?

— А вот что!

Человечек направил свой аппарат на картину, и Мефистофель исчез со стены — остался только желтый квадратик.

— Поразительно! — воскликнул я. — А назад вернуть можно?

— Разумеется. Надо только нажать вот эту зеленую кнопку в правом нижнем углу.

---

¹ Опера знаменитого итальянского композитора Джузеппе Верди (1813—1901).

Он нажал кнопку, и картина вернулась на место.

— Потрясающе! А где она была?

— В каком смысле — где?

— В очень простом. Где она была, когда со стены исчезла? Попала в другой канал?

— По-видимому, да, — пожал плечами человечек. — А вам-то не все равно? Захотите, чтобы вещь исчезла, она исчезнет. Захотите, чтобы вернулась, — вернется.

— А... а это можно сделать... — мне стало как-то не по себе, — с чем хочешь?

— Конечно, с чем хочешь! А то кому эта игрушка будет нужна!

— А... а человека тоже можно убрать? — поинтересовался я со все возрастающим смущением.

— Еще спрашиваете! — Человечек расхохотался. — В этом вся суть!

— Да, да, понимаю. Это действительно здорово! Но ведь дети... это ведь детская игрушка...

— А вы что думаете, детям никогда не хочется кого-нибудь или что-нибудь убрать куда подальше?

— Если «что-нибудь», то еще полбеды. Не захочет Паоло овощного супа, нажмет кнопку, супа и след простыл. Моника сошлет в ссылку шпинат. Тоже не страшно. Знаете, как дети не любят шпинат.

— Вот и надо его послать к черту!

— Шпинат-то пусть. А вот как быть с мамой?

— Мама подумает, что Моника глотает шпинат со сверхзвуковой скоростью, и все будут счастливы.

— Да нет, я о другом. Вообразите себе, Моника рассердится на маму и, как только та отвернется, упразднит ее.

— Экая беда! Соскучится и вернет обратно.

— Или папа отшлепает Луку, а Лука возьмет и нажмет на кнопку. Что тогда будет?

— Папа тю-тю, — опять расхохотался человечек. — А Луке раздолье. А вам самому было приятно, когда вас шлепали? Ведь, по большей части, вам наверняка попадало ни за что?

— Или еще, — гнул я свою линию, — пойдет Лука в школу, а учительница начнет допекать его. Он возьмет и зашлёт ее куда подальше. Пусть прохлаждается, покуда Лука переменит гнев на милость.

— Ну зачем так говорить, — возразил мой собеседник. — Вы же знаете, как взрослые мучают детей. Взрослые ведь только и знают, что запрещать и заставлять.

— А вы понимаете, что даете детям в руки смертоносное оружие невиданной силы?

— Какое же это оружие? — вскипел человек, ударив кулаком об стену. — Да еще смертоносное. Игрушка безвредная, от ее применения царапины не остается. Муха и та больнее кусает. Ни увечий! Ни контузии! Не убивает она, а убирает! И без осечки возвращает обратно.

— Воскрешение гарантируется, — съехидничал я.

— Ведь и на взрослых нужна управа!

— Нет, это гениально! — орал я. — Кончится тем, что дети дикой ордой будут носиться по горам и долам. Отправят в тартарары книжки, доски, карты, учителей, тетрадки, дневники с плохими отметками, даже школьного сторожа. И предадутся самой позорной, самой отвратительной, беспробудной лени!

— А вам что, жалко? Надеюсь, вы не сторонник палочной дисциплины?

— Бог с ней, с дисциплиной. Объясните лучше, куда деваются все эти упраздненные люди и вещи, пусть даже на время? Вы говорите, попадают в другой канал. В какой? В нашей они Галактике, или ищи их свищи в туманности Андромеды? А вдруг их занесло в доисторические времена, в пещеру к людоедам?

— Ах вот что вас волнует! — сказал человек. — Ладно, я вас сейчас успокою. Идемте.

Мы вышли на улицу. В двух шагах от нас темнел Пантеон. А метрах в трех усталый регулировщик управлял потоком машин.

— Как раз то, что нам нужно, — оживился человек.

Не успел я остановить его — еще не хватало делать опыты над живыми людьми без их согласия! — как он направил свой аппарат на регулировщика, и тот мгновенно исчез.

— Вы с ума сошли! — возмутился я. — Хотите аварию устроить?

— Да я его изъял всего на 15 секунд. Видите, уже вернулся, цел-целехонек. И шлем при нем и свисток. Подите спросите, где он только что побывал.

Я ринулся через улицу, чуть не угодил под автобус, схватил регулировщика за рукав и выпалил:

— Простите за беспокойство, где вы были минуту назад?

— Что такое?

— Вас не было 15 секунд. Где вы были? В какой канал врубилесь?

— Что еще за канал? Я торчу здесь лишних четыре часа — забыли прислать смену. А вы проходите, а то оштрафую.

Так я ничего от него и не добился.

— Скорее всего,— предположил я, когда мы входили обратно в лавку,— он просто слишком мало отсутствовал. Выключилось сознание на миг, он этого и не заметил.

— Вот видите. Ничего не заметил. А вы из-за какого-то школьного сторожа шум подняли! Я это понимаю так: человек или вещь под действием аппарата попадает в промежуток между временным и пространственным континуумами. Это совершенно безболезненно и не может иметь никаких последствий.

— Так-то оно так,— сказал я,— но эксперимент с, регулировщиком еще не достаточно убедил меня.

— Господи! Я вижу, вы полный профан в электронике. Давайте попробуем еще раз.

— Смотрите, как бы регулировщик не оштрафовал нас. Еще, чего доброго, сообщит в полицию.

— Обойдемся и без него. На этот раз нам никто не потребуется, ни регулировщик, ни пожарный. Вот перед вами я. Возьмите и уберите меня минуты на две, на три, ну на пять, не больше. А то уже поздновато. Вернете меня, и я вам все без утайки расскажу, что со мной было.

— Как это великодушно с вашей стороны,— растрогался я.

— Тогда вы перестанете бояться, и я смогу продать вам свои игрушки. Согласны?

— Согласен! Давайте сюда аппарат.

— Держите. И смотрите не перепутайте: желтая кнопка — убрать, зеленая — вернуть.

— Не перепутаю. Я уже эту штуковину наизусть знаю.

— Не спешите, я подам знак. Надо высморкаться, причесаться. Неохота появляться растрепой хоть на небе, хоть в преисподней. Теперь все в порядке. Вы тоже готовы? Раз, два, три...

На счет три я нажал кнопку, и человечек исчез. Вместо него была сумрачная пустота.

Я вперился в пустоту, и вдруг меня осенило — а ведь мне суждено избавить мир от страшной угрозы. У меня в руках спокойствие, безопасность, а может, и самая жизнь тысяч, нет даже миллионов пап и мам, бабушек и дедушек, тетушек и дядюшек, которым грозит опасность исчезнуть ни с того ни с сего, если их чадо, вооруженное адской машиной этого странного человечка, вдруг рассердится или даже просто почувствует легкую неприязнь. В эту минуту я могу спасти целую армию учителей математики, итальянского, латыни и географии. Ведь, не дай бог,

поставит учитель двойку и очутится, бедняк, в том краю, откуда скорее всего возврата нет. Тысячи постовых на всей планете смогут безбоязненно штрафовать слишком отчаянных мотоциклистов и чересчур резвых любителей гонять на улице футбольный мяч. Мирные пассажиры автобусов и трамваев, вы спасены от путешествия в небытие, которое вам грозило бы, позарясь на ваше место какой-нибудь нахальный юнец.

Конечно, у детей опять не будет защиты от взрослых, а взрослые — чего там греха таить — совсем ничего не смыслят в детях, им непонятны их игры и выдумки; с детьми не считаются, их унижают, в них видят только глупых, слепых щенят. Но разве изменишь жизнь простым нажатием кнопки? Пусть даже эта кнопка на электронном приборе? Ну а вдруг все-таки мир станет лучше, если я пощажу сейчас этот адский прибор? Но так и атомной бомбе можно найти оправдание.

И я решил. Направил светящееся окошко на все ящички и коробки с опасными игрушками, и они отправились по неведомым каналам вслед за своим создателем.

«А ты, — обратился я мысленно к хозяину лавки, — оставайся там, где ты есть. Надеюсь, тебе не хуже, чем было мне на теплоходе, плывущем по Волге, или в окрестностях Антареса, звезды моего детства. Я нажму на зеленую кнопку года через два, через три. Не хочу, чтобы ты сегодня вернулся обратно в Рим и принялся мастерить свои дьявольские игрушки. Подумай, отдохни от суеты жизни. Может, она за это время изменится к лучшему. Я ведь не убил тебя, а послал по другому каналу. Прощай же, нет, пожалуй, до свидания».

Сунул в карман прибор с желтой и зеленой кнопками и вернулся домой. Дома запрятал его подальше, чтобы никто из родных не нашел. А назавтра опять отправился покупать игрушки к Новому году. Ту улицу с волшебной лавкой обошел стороной. Сердце у меня жалостливое, увижу знакомую дверь и не выдержу — возьму и верну обратно малютку Мефистофеля.

СИРЕНА

Сейчас ту далекую планету называют Сиренида, скоро вы поймете почему. Первое время после высадки землян на поверхность ее бескрайнего океана цвета фиалки она числилась под простым названием Аш-два-о. Смешно, правда? Впрочем, ничего смешного. Аш-два-о химическая формула воды, она подходит для небесного тела, поверхность которого — сплошная вода. Ни континента, ни острова, ни крошечной скалы — кругом безбрежная водная гладь. Прихоть космоса, да и только.

А рыбы-то хоть водятся в этих сиреневых водах, лиловеющих на закате?

Именно на этот вопрос и должна была ответить экспедиция, возглавляемая полковником Бэрэном. База ее была на космической станции в трехстах километрах от жидкой поверхности планеты. Каждое утро аппарат-амфибия доставлял с базы на воду группу ученых. Тут они пересаживались в юркие надувные лодки и начинали исследовать неизвестную планету: погружали в воду фотоаппараты, кино- и телекамеры, стараясь запечатлеть подводную жизнь, если бы таковая существовала. А то просто закинут рыболовную сеть, надеясь выловить какой-нибудь образец местной фауны: вдруг какая-то, пусть примитивная, жизнь зародилась в этом унылом однообразном океане?

Два дня исследователи трудились без результата. На третий налетел чудовищный ураган и потопил почти все лодки землян. Среди исследователей был молодой кинооператор по имени Лео. Захватив с собой аппаратуру, он отправился на съемки и уплыл дальше всех от амфибии. Шторм пощадил его лодку. Но когда он вернулся к месту посадки, там не было не только амфибии, но вообще никого.

Лео попробовал кричать. Никто не отозвался.

«Видно, улетели без меня, — решил он. — Что ж, придется заночевать на воде. Завтра они за мной вернуться».

Лео улегся прямо в лодке. Шторм, к счастью, утих. На густо-лиловом небе горели незнакомые созвездия. Лео глядел на звезды, глядел, глядел и заснул.

Разбудили его первые лучи незнакомого солнца. Огромный розовый диск медленно восходил над лиловыми водами океана. Лео огляделся кругом, вымыл лицо, руки и, чтобы не терять времени, опустил в воду небольшую телекамеру и стал смотреть на экран. Почти тотчас же на экране появились три улыбающихся девичьих лица. Не одно, а сразу три. Милые такие лица, и улыбки приветливые, но и немножко насмешливые.

— Какое-то наваждение, — прошептал Лео. — Может, я не совсем проснулся?

Он протер глаза, покрутил ручку настройки и снова взглянул на экран. Девушки все так же улыбались ему; они сидели в какой-то открытой плавучей посудине, снабженной двумя парами колес — что-то вроде подводного автомобиля. Значит, эта штука может не только плавать, но и ездить по дну.

Девушки сидели в машине без масок и без скафандров, не испытывая, кажется, никакого неудобства. Одеты они были в серебристые комбинезоны, из украшений — только скромные бусы из раковин. Одна девушка, похоже самая молодая, пускала зеркалом солнечных зайчиков. Не поверив телекамере, Лео свесился за борт лодки и стал глядеть в воду. Девушка пустила зайчика прямо ему в глаза и весело рассмеялась, блеснув ровными, как жемчуг, зубами.

— Вы из новой экспедиции? — прокричал Лео.

И тут же мысленно назвал себя дураком. С каких это пор земляне стали запросто разгуливать под водой? К тому же волосы у девушек голубые, и еще этот подводный автомобильчик неизвестной конструкции.

— Хватит тебе ломать голову! — вдруг донесся голос. — Иди сюда. Наш отец очень хочет с тобой познакомиться.

И вот ведь какая странность: эти слова он не ушами услышал, а как бы просто уловил мозгом.

«Передача мыслей на расстоянии?» — подумал Лео, впрочем, еще не очень веря, что его услышат.

— Разумеется. Как же еще разговаривать? Скорее ныряй к нам. Возьмем тебя в наше авто.

— А куда повезете?

— К нам домой. В город. Не бойся, покажем тебе город Моан.

— Кто вы такие? Как вас зовут?

— Меня Меа, это Сима, а это — Ноа.

— Да, я Ноа. А теперь произнеси мысленно свое имя, и мы с тобой познакомимся.

— Меня зовут Лео.

— Лео? Настоящее сиренидское имя. Правда, смешно?

— Сиренидское?

— Ну да. Сиренидское. Наша планета ведь называется Сиренида. Ты этого не знал?

Лео поспешно огляделся по сторонам, взглянул вверх: товарищей и след простыл. И ни одной амфибии не видеть.

«Оставлю в лодке записку, а то еще подумают, что утонул», — решил он.

Настроил записку, надел подводную маску, проверил кислородный баллон за спиной и нырнул. Девушки подвинулись, приглашая его в машину, но во взглядах у них сквозило явное удивление — для чего он нацепил на себя эти доспехи.

— Зачем у тебя это? — услышал он вопрос, который задала Ноа. — Ты разве не можешь дышать под водой?

— Не могу.

— А мы не можем на воздухе. Вот мы и квиты.

Меа знаком велела Лео ухватиться за поручень, нажала на светящуюся кнопку, и аппарат пошел носом вниз на дно океана. Когда опустились метров на пятьсот, навстречу им засияли огни большого подводного города. Скоро ясно обозначились залитые огнями улицы, широкие площади, даже светлые прямоугольники окон.

— Это Моан, — сказала одна из девушек.

Поглощенный невиданным зрелищем, он не сразу обратил внимание, что они плывут в окружении множества таких же автомобильчиков, и в каждом — сиренид, одетый в сиреневый комбинезон, точно им было важно для какой-то цели сливаться с сиреневой водой.

— Выходит, я ваш пленник? — слегка растерялся Лео. — Прелестные девушки меня заманили под воду, а путь назад отрезан полицией?

— Какие глупости! — обиделась Ноа. — Мы тебя нашли, и папа послал нас пригласить тебя в гости. А полицейские подплыли, чтобы взглянуть на такое чудо. Им ведь тоже интересно. Не каждый день встретишь на нашей планете землянина.

— Кто вам сказал, что я землянин?

— Мы ведь читаем мысли. Ты что, забыл? Нам все известно и о вашей экспедиции, и о шторме. К сожалению, мы не успели спасти твоих друзей. Ты остался в живых один. Знаешь, какую мысль я сейчас у тебя прочитала? «Ну и пусть. Она мне все равно нравится». А вот мы и приплыли. Папа нас ждет.

Около одного из домов собралось несколько сиренидов. Среди них высокий, немолодой, с лысиной. Наверное, это и есть их отец. И он, наверное, ученый. Стоит на пороге и гладит большую рыбину, а она доверчиво ластится. Лео торопливо отщелкал несколько кадров.

— Добро пожаловать в мой дом, господин Лео. Я профессор Боро, ихтиолог. Как вы понимаете — исследую жизнь и повадки рыб.

— Очень приятно познакомиться. Спасибо за гостеприимство.

В этом безмолвном мире обмен мыслей происходил без слов. То и дело появлялись и исчезали какие-то мужчины и женщины. По дну скользили автомобильчики, некоторые всплывали, оставляя за собой пузыри.

На площади бил воздушный фонтан, в его пузырьках плясали стайки рыбешек, освещенные лампами.

Лео передвигался не очень быстро, но довольно ловко, не зря его любимый спорт — подводная охота. Войдя в дом профессора, опустился на диван и утонул в подушках, набитых, как видно, морскими водорослями. С интересом огляделся. Если бы не вода, полное впечатление, что он в гостях у землян. Профессор и его дочери ничем не отличаются от его далеких земных сородичей, разве что волосы — они здесь у всех голубые.

— Вы удивлены? — заметил профессор Боро.

— Еще бы. Первый раз в жизни вижу подводную цивилизацию. У нас в морях живут только рыбы.

— Ну не скажите, — рассмеялся профессор. — По крайней мере, так было не всегда. Помните сирен, которые заманивали Одиссея?¹

— Сирены? Полурыбы-полуженщины? Но ведь это выдумка древних поэтов. Они у нас только в сказках.

---

¹ Эпизод из 12-й песни древнегреческого эпоса Гомера «Одиссея».

— Нет, не только. Несколько тысячелетий назад у нас на планете разразилась ужасная война.

— Подводная, конечно?

— Разумеется. Победенным пришлось покинуть планету. Они улетели на Землю в летающем аквариуме. Представьте себе, космический корабль вроде вашего, только доверху наполненный водой. На Земле сирениды поселились там, где тепло — в водах Средиземноморья, вблизи от итальянских и греческих берегов.

— Выходит, Одиссей на самом деле видел сирен?

— Конечно. Древние земляне видели их под водой. И никаких рыбьих хвостов у них не было. Земляне все это выдумали. Известно ведь, что древние люди были больше поэты, чем ученые. Ну так вот, после войны прошло три или четыре века. Наша планета настолько цивилизовалась, что войны совсем исчезли. Мы вспомнили об изгнанниках и отправились за ними на Землю. С какой радостью вернулись они на родную Сирениду; от отца к сыну передавалась любовь к далекой отчизне. Вас это удивит, но и моя семья — потомки тех древних изгнанников. Мои пращурсы жили в море у берегов Сицилии. Возможно, Одиссей как раз видел одну из моих прапрапрабабок...

— Но ведь сирены выходили из воды и лежали на скалах. Они могли дышать воздухом.

— Нет, это не совсем верно. Дышать они не могли, но нырнуть в воздух ненадолго — это они умели, вы ведь тоже на несколько минут ныряете в воду. Теперь у нас есть водные респираторы. С ними мы можем долго находиться в воздушной среде.

Лео еще много раз беседовал с профессором. Осмотрел город Моан, побывал и в других городах подводного государства. Встречался с тамошними учеными; в его честь устраивали вечера и приемы. На планете имелись большие запасы кислорода — им насыщали воду, чтобы легче было дышать. Так что можно было по мере надобности заправлять дыхательный аппарат.

Жилось ему, как видите, в подводном царстве не худо. Но в душе у Лео боролись два чувства. Конечно, его тянуло обратно на Землю, хотелось обнять отца с матерью, повидаться с друзьями, рассказать о своем удивительном открытии. Но рядом была Ноа, такая милая, добрая, веселая. Жениться на ней, навсегда остаться здесь в прозрачных лиловых водах гостеприимной Сирениды... Профессор нередко замечал уныние на лице Лео.

Он и надоумил Лео, что делать.

— Мой вам совет, — сказал профессор дочери и ее другу-землянину, — женитесь и летите на Землю. Совет мудрецов считает, что браки — лучший способ установления дружбы между двумя планетами. Поживете немного на Земле, потом немного у нас. Там, глядишь, земляне захотят научиться дышать под водой. Ну, что вы на это скажете?

Лео и Ноа понравился совет старого профессора. На свадьбе были даже бенгальские огни, только как они там горели — не спрашивайте, сам не знаю. Приплыли всевозможные рыбы полюбоваться на нрвобрачных; они так и сновали вокруг их голов, описывая восьмерки во время свадебной церемонии. После свадьбы «летающий аквариум» отвез молодых на Землю. Только ступив на твердую почву своей планеты, Лео снял наконец с себя маску и баллоны с кислородом. Зато Ноа пришлось надеть водный респиратор — земная атмосфера была не для ее легких.

Не станем рассказывать, как велико было удивление землян, какими заголовками пестрели газеты. Лео и его молодая жена родом с Сирениды давали интервью по радио и телевидению, встречались с академиками и членами правительств. Все это можно легко себе представить.

Поселились Лео и Ноа в небольшой вилле на окраине Рима; в саду был бассейн, и Ноа часами плавала в родной стихии. В гостиной стоял большой аквариум. Иногда по просьбе гостей Ноа снимала маску и ныряла в аквариум, чтобы гости сквозь стекло видели, как ей легко дышится под толщей воды.

Постепенно установилась двусторонняя связь между Землей и Сиренидой. Летательные аппараты возили туда и сюда гостей, туристов, исследователей.

За неделю до годовщины свадьбы Ноа засобиралась домой: соскучилась по отцу, сестрам. Улетала она на несколько дней; Лео провожал жену без горького чувства — он втайне готовил для нее сюрприз.

Встречали Ноа на космодроме его друзья. Сам он ожидал ее дома, в аквариуме — без маски, без кислорода.

Это и был его сюрприз. Он давно уже работал с группой физиологов и инженеров, задавшихся целью научить человека дышать под водой. Был создан специальный прибор, который вшивался в плечо. И Лео решил быть первым двоякодышащим.

Ноа веселым ветерком впорхнула в гостиную. Увидела Лео в аквариуме и рассмеялась. Рассмеялся и Лео. Ноа стояла посреди комнаты, дыша полными легкими, и не было на ней никакого респиратора. Она теперь могла жить на Земле, как все люди — дышать воздухом, как Лео. Она и на Сирениду летала потому, что до нее дошел слух: ученые ее

планеты изобрели дыхательный прибор и теперь сирениды могут дышать земным воздухом. Выходит, она тоже готовила сюрприз.

Лео вышел из аквариума и обнял ее.

— Я теперь, как ты, а ты, как я,— сказали они одновременно.

И при этом оба они стали немного другие. В этом нет ничего удивительного. Так всегда было и будет.

ПЕСЕНКА ОГРАДЫ

Один мальчик всегда ходил из школы домой той же дорогой. Он был еще маленький и другой дороги не знал. А искать новую было страшно.

Но вот пришел день, когда он взял и свернул на другую дорогу. Она привела его к большому парку, огороженному высокой чугунной оградой.

— Вот здорово! — воскликнул мальчик и сделал то, что на его месте сделали бы почти все мальчишки — девяносто девять из ста. Он достал из портфеля линейку и повел ею по чугунным прутьям, пока линейка не наткнулась на каменный столб. Тогда он повернул назад и опять побежал вдоль ограды, ударя линейкой по прутьям. Ограда издавала веселые звуки: динь-донн-донн — от самых верхних, тоненьких и пронзительных, до самых нижних — глубоких и гулких. Бежит мальчик в одну сторону — звуки летят вверх, бежит обратно — звуки падают до самых густых басов.

Нет, никогда еще не было такой интересной игры. Вот он и бегал туда-сюда вдоль ограды. Устанет, остановится, передохнет. И снова бежит, а потом стал ходить: сделает коротенький шаг и бьет по пруту, сде-

дает шаг и бьет. Если пропустит какой-нибудь, то вернется — звук тогда получается замечательный. Наверное, это была уже не просто забава. Он играл на прутьях ограды, как играют на ксилофоне или рояле, отыскивая нужную клавишу, чтобы получилась мелодия.

— Вот здорово! — еще раз воскликнул мальчик. Он слышал теперь, что прутья играют какую-то необыкновенную песню. — Назову ее «Песня ограды», — решил мальчик.

Но тут на колокольне забили часы, мальчик сосчитал удары — час был поздний, дома его, наверное, заждались.

— Завтра опять приду сюда, — сказал он и ласково прикоснулся линейкой к прутьям.

На другой день он опять свернул на эту дорогу, и на третий день, и на четвертый. Теперь он всегда ходил новой дорогой и всегда играл линейкой на прутьях ограды. Он сочинял все новые песни, ударяя прутья в разной последовательности. Он выдумывал песни о деревьях, что росли в парке: о ели — одну песню, о ливанском кедре или о сосне — другую, о стройном кипарисе, который точно длинным тонким пальцем грозит тучам, — третью. Он придумал песню об аллее, что вела через парк к красивому дому, о тропках, петляющих между деревьями, о кустах, о цветущих клумбах — обо всем, что он видел в этом чудесном парке. Мальчик никому не рассказывал о поющей ограде — ни родителям, ни учительнице, ни другим мальчишкам. Эта ограда была его тайной. Ведь каждый человек имеет право на свою тайну.

Как-то раз он сочинял новую песню на прутьях ограды. Вдруг из красивого дома в конце аллеи донесся чей-то сердитый окрик:

— Сейчас же прекрати! Ты уже целый час действуешь мне на нервы своим дурацким стуком.

Мальчик посмотрел на дом, верхние окна были открыты; и тут он вспомнил — раньше окна в доме никогда не открывались. Может, хозяева были в отъезде, а теперь вернулись. На балконе стоял старик в халате, в одной руке он держал книгу, в другой очки.

— Хватит греметь! — кричал он, потрясая очками. — Я из-за тебя не могу читать! Убирайся домой, и чтобы я тебя больше не видел! А то полицейского позову!

Мальчик испугался и не смог объяснить старику, что он не шумит, а сочиняет песни на этой удивительной ограде. Он сунул линейку в портфель и побежал домой.

— Чтобы духу твоего здесь не было, понял? — крикнул ему вдогонку разъяренный старик.

Назавтра мальчик опять пошел домой мимо парка, только по другой стороне улицы. Он шел и печально поглядывал на любимую ограду.

Он каждый день теперь возвращался из школы по другой стороне улицы, не смея приблизиться к ограде: то окна в доме открыты, то сам старик гуляет по парку, то вдоль ограды бегают большая собака. Посмотрит мальчик на свою ограду, вздохнет и побредет домой. Сколько раз он мысленно говорил этому гадкому старикашке: «Целыми днями читаете толстые книги в черных переплетах, почему же музыку-то не любите! У вас такая ограда, поиграйте на ней, сочиняйте песни! Ну почему вы такой злой? За что ненавидите мальчишек?»

Как раз в это время его мама познакомилась с дамой, умеющей играть на рояле. Пошли они к ней в гости, и мальчик увидел этот замечательный инструмент. Ему даже позволили нажать его удивительные клавиши. Он нажимал одну клавишу, другую, то басы, то высокие ноты, стараясь слить звуки в мелодию. Сердце у него при этом стучало, как будто бил барабан.

— Кажется, у мальчика есть способности к музыке, — заметила дама. — Пришлите его как-нибудь ко мне. Я с ним позанимаюсь немного, для пробы.

Но дама сказала это просто так, из пустой любезности. Назавтра она уезжала в Париж. И мальчик никогда больше не видел ни ее, ни ее рояля. А потом столько всего случилось. Грянула вторая мировая война. Отец ушел воевать. Было не до музыки. К сожалению, тяжелая пора растянулась на годы.

Мальчик вырос. Стал ходить в среднюю школу. И совсем забыл о поющей ограде. Только один раз вспомнил о ней случайно — шел по той улице и увидел, что ограды-то больше нет. Ее снесли и перелили на пушки. Даже колокола с колоколен и те снимали.

Прошли годы, мальчик, теперь уже молодой человек, работал в банке. На работу не обижался — всякая работа хороша, если дает кусок хлеба. Но иногда он с грустью говорил себе: «Кто знает, сложись жизнь по-другому, может, я стал бы неплохим музыкантом».

Только это случалось редко: кто должен изо дня в день зарабатывать на жизнь, тому некогда тревожить далекое прошлое.

Он уже давно распрощался со своим родным городом. Но как-то раз ему довелось поехать туда по делам службы. В свободные часы он бродил как зачарованный по старинным улочкам, воображая себя маленьким мальчиком. Вот он идет из школы домой, сворачивает в незнакомый переулок — его поманило новое, позвала жизнь. Что это? Да он опять на

той самой улице, у того самого дома, окруженного большим парком. Вот и чугунная ограда, видно, ее заново поставили здесь после войны. Ограда другая, но это неважно. Прошлое ожило!

Из-за угла, размахивая портфелем, вдруг показался мальчик. Остановился у ограды, взглянул на дом: окна закрыты, значит, хозяева в отъезде.

«Сейчас достанет из портфеля линейку», — подумалось ему.

Мальчик и впрямь расстегнул портфель, вынул стальную линейку и повел ею по прутьям ограды, подчиняясь какому-то своему ритму. Динь-донн-донн... — отозвалась ограда.

«Странно, — удивился клерк, — все звуки одинаковы. Впрочем, так и должно быть. Прутья-то все одной толщины и длины — они просто не могут издавать разные звуки».

А мальчик все бил и бил линейкой по прутьям, подчиняясь одному ему ведомой мелодии.

— Здравствуй, — сказал клерк, когда мальчик поравнялся с ним.

Мальчик вздрогнул, точно его застали за баловством.

— Не бойся, — сказал ему клерк, — окна закрыты, старика, видно, нет дома.

— Какого старика? — не понял мальчик.

— Того, что ругается, когда ты шумишь.

— Там не старик живет, — покачал головой мальчик, — а старушка. Она мне ничего не говорит, потому что она глухая. А ругается ее прислуга.

«Ну конечно, — подумал клерк, — что это я. Старик, наверно, давно умер. А в доме живут новые хозяева».

— Служанка говорит, я хулиган, — продолжал мальчик. — Устраиваю безобразный шум. Глупая она, не понимает. Это не шум, это я играю. Послушайте.

— С удовольствием.

— Вот «Песня умирающего каштана». Видите — каштан? Он больной. Все каштаны в Европе больные. Мы это в школе проходили.

— Интересно. Ну что же, играй.

Мальчик принялся бить линейкой по прутьям. У него было серьезное, истовое лицо. Ударит по одному пруту, по другому, какие-то прутья пропустит, делая паузу.

А клерку все слышалась одна и та же глуховатая нота: динь-донн-донн.

— Слышите? — повернулся к нему мальчик. — Слышите? Каштан

болеет, но он не грустит — ведь птицы еще вьют гнезда в его кроне. Правда, красиво?

А у него в ушах только монотонное «донн-донн-донн».

— Песня не должна обрываться на низкой ноте, — объяснял мальчик. — Так только колокола звонят по мертвым. Надо кончать тихой высокой нотой. Слышите?

А для него опять глухо прозвучало: дон-н.

Он понял, почему так гневался тот старик. Уху взрослого недоступна мелодия, которую слышит мальчик, играющий на прутьях ограды.

— Нравится? — спросил мальчик.

— Очень, — покривил душой клерк, чтобы не огорчать мальчика.

Часы на колокольне пробили пять ударов.

— Мне пора домой полдничать, — заторопился мальчик.

— До свидания, — сказал клерк.

И долго еще стоял и смотрел на каштан. Клонящееся к закату солнце играло в его листве...

СЕРЕНАДА КУЛЬКА

— Графиня Кастильона отправилась в Венецию, — объявил однажды Хват Кульку.

— Везет же людям! — вздохнул тот. — Будет кормить голубей на площади Святого Марка. Денег на это. поди хватит.

— Я вот о чем думаю, — выслушав Кульку, продолжал Хват. — Ты ведь когда-то играл на гитаре?

— Точно, играл. Только не понимаю, при чем здесь гитара? Объясни, а то начну думать и голова разболится. Сам знаешь — психология.

— Помнишь, какое мы видели на ней колье? Когда слушали в «Ла Скале» «Травиату»?

— «Богему» мы тогда слушали, Хват! В твои-то годы путать Верди с Пуччини. Плохо дело, старина. А колье, точно, было бриллиантовое. Ты на него сразу глаз положил.

— Что верно, то верно, — согласился Хват. — Оно у меня до сих пор перед глазами. Как ты думаешь, возьмет она его с собой в Венецию?

— Это уж само собой. В Венецию-то зачем ездят? Чтобы себя показать, перед людьми покрасоваться.

— А как по-твоему, клюнет она на серенаду? Она ведь любит красивую музыку.

— Это уж непременно клюнет. Венеция — город серенад. Мне Риккардо говорил, мой двоюродный брат. Его еще Шустрая Рука зовут. Хорошо знает Венецию — сидел там. В его камеру такие серенады с канала летели! До сих пор как вспомнит, захлюпает. В Венеции, Хват, трамваи не звенят, автомобили не библикают. Это тебе не Милан или Варезе. Там тихо. Поешь, а голос далеко-далеко разносится. Как будто это лагуна поет или старинные дома. А над всем проплывает луна.

— Ишь ты, Кулек, стихами заговорил. Ну это нам ни к чему. Хватит того, что ты поешь, на гитаре играешь и с гондолой управиться сможешь.

— Ну уж дудки, Хват! Играть и одновременно грести нельзя. Без гондольера тут не обойтись, заруби себе на носу. А то забудешь про гондольера, и получится неувязка: в одной руке у меня гитара, в другой весло, а кто струны перебирать будет?

— Ладно, получишь гондольера, Кулек! Значит, так, ты поешь серенаду, графиня выходит на балкон, слушает, а я тем временем шмыг в ее номер. Хватаю колье — и поминай как звали.

— Ты голова, Хват! Здорово дельце обмозговал. Так, значит, я буду петь? А какую песню? Эта подойдет: «К молочнице мама послала тебя-а-а?»

— Хм-м. Для графини надо бы что-нибудь почувствительнее. Ладно, программу обдумаем в поезде. А теперь идем покупать гитару.

Хват был самый дерзкий и самый удачливый вор во всем треугольнике: Милан — Турин — Генуя. Если предпочитаете параллелограмм, прибавьте еще Болонью. Кулек же был самый большой простофиля среди воров всех стран центральной и южной Европы. Никто уже не помнил его настоящего имени и фамилии. Кулек и Кулек. Пристало к нему это прозвище после давнего ограбления ювелирного магазина. Нет чтобы скорее смыться — прилип к полу и складывает в кулек украденные драгоценности, да еще начал серебряной ниточкой перевязывать. Тут его и поймали.

Многие дивились, чего это Хват повсюду таскает с собой полудурка?

— Чужая душа потемки, — изрек по этому поводу Де Доминичис из центрального полицейского управления.

— Он просто привык к нему, как ты к своему коту, — высказал свое соображение комиссар Джеронимо.

Он, кстати сказать, очень был удивлен, узнав от своего агента, что

Хват отправился в Венецию в одиночестве. О Кульке ни слуху ни духу, как в воду канул. Комиссар ведь не знал, что Хват на всякий случай отправил Кулька предыдущим поездом. Сам решил поселиться в той же гостинице, что и графиня Кастильона, а Кульку заказал номер в маленьком пансионе около Риальти. Для уточнения последних деталей договорились встретиться в остерии «Две шелковицы».

— Собирайся, Де Доминичис, в Венецию, понаблюдаешь за Хватом, — решил комиссар. — Не поехал же он в Венецию, чтобы полюбоваться собором Святого Марка!

— В Венецию хоть пешком! — улыбнулся Де Доминичис.

— Только чтоб тебя никто не видел, а ты все и всех, ясно?

— Так точно, комиссар.

Де Доминичис сошел на вокзале в Венеции через два дня после Хвата. И очень скоро выяснил, что Хват остановился в роскошной гостинице на Большом канале.

— Лакомый кусочек замаячил, — рассудил бригадир. — А то стал бы он такие деньги швырять. Гостиница-то, наверное, влетела в копеечку. Гостиница действительно влетела в копеечку. Но Хват, как выяснил комиссар, мог себе и не такое позволить.

Приехав и не зная, на что убить время, он в тот же вечер пошел в казино и выиграл кучу денег.

«Выиграл и теперь швыряет налево и направо, — решил бригадир. — Значит, прощай, Венеция. Видно, лакомый кусочек здесь ни при чем».

Но комиссар по телефону сказал:

— Сиди на месте и не рыпайся. Забыл, с кем имеешь дело. Сколько раз этот артист у нас побывал? Всего один. Да и то потому, что пошел на дело, отравившись грибами.

На другое же утро бригадир смог убедиться, что Хват и правда артист своего дела.

Вышел Хват из гостиницы — бригадир тут же к нему пристроился. Шел метрах в трех, не спуская глаз с его широких плеч, обтянутых модным клетчатым пиджаком. И вдруг Хват как сквозь землю провалился. Только что шел впереди — секунда! — и нет его. Ни Хвата, ни клетчатого пиджака.

«Неужели заметил? — недоумевал бригадир. — Не может этого быть!»

Конечно, Хват ничего не заметил. Просто привык, что за ним всегда хвост, и решил на всякий случай исчезнуть. Профессиональная привычка. Шел он, шел, и вдруг промелькнуло: а не плохо бы замести следы. Просто так, на всякий случай, и чтобы форму не потерять.

Де Доминичис на всех парусах пронесся мимо остерии «Две шелковицы», где у стойки стояли Хват со своим другом Кульком и обсуждали, что бы им выпить.

— Давай перепробуем все, — предложил Кулек.

— Ишь ты какой прыткий, — возразил Хват. — Серенады поют трезвым голосом.

— Значит, сегодня?

— Сегодня. В десять возьмешь гондолу, в десять двадцать плыви по каналу с той стороны гостиницы. Балкон графини — третий слева на втором этаже. Мое окно второе справа на третьем. Как только ты начнешь петь, я в своем номере включу свет.

— Петь буду «Девушку в гондоле».

— Хорошо. Когда на балконе появится графиня, сразу же пой что-нибудь другое. Это будет сигнал.

— Идет. Вторым номером запою «Соломенная шляпка Амалии к лицу».

— Прекрасно. Твое дело не спускать глаз с моего окна. Пока в нем горит свет, я работаю. Свет погас — я вернулся в номер с бриллиантами. Понял? Сразу же кончай петь. Встречаемся на перроне у двенадцатичасового поезда. Надеюсь, вернемся в Милан без приключений.

— Как ты все хорошо придумал, Хват. Ты знаешь кто? Ты — гений. Ну, а если графиня не выйдет?

— Выйдет. Перед твоим пением не устоит. И на гитаре ты играешь, как бог. Тут и глухая выйдет.

Графиня и в самом деле вышла. Все произошло в точности, как написал Хват. Скоро в его номере погас свет. Кулек понял, что колье смешило хозяина, и велел гондольеру плыть дальше.

«Да, — размышлял он, ударяя последний раз по струнам и раскланиваясь перед зеваками, хлопавшими ему с мостика, — что может сравниться с музыкой? Не считая, конечно, бриллиантового колье. Вот проклятая жизнь! Ведь мог бы из меня выйти Бетховен или, на худой конец, Челентано!»

От этих горьких мыслей его отвлекла сцена, которая пронзила его в самое сердце: в метре от воды, на карнизе под окном сидел котенок и жалобно мяукал. Окно над карнизом было закрыто.

— Как ты там очутился, глупый? — спросил котенка Кулек. — Кто это над тобой так подшутил? Мяукай не мяукай, а окно ведь не откроется. Там, наверно, никого нет. А ну давай прыгай ко мне. Кулек в беде еще никого не бросал.

Гондольер подогнал лодку к окну. Кулек протянул руку, котенок пугливо отпрянул, проскользнул сквозь прутья решетки и прижался к пыльному стеклу.

— Не веришь людям, да? Оно и понятно. Вон они какую злую шутку с тобой сыграли. Но Кулек не такой человек, он хочет тебе помочь. Прыгай, не бойся. С голоду ведь там умрешь.

Котенок все не решался довериться Кульку; тогда Кулек встал в гондоле и протянул к нему руку. Гондола закачалась. Еще миг — и Кулек бултыхнулся в воду вместе со своей гитарой, висевшей на шее.

— Караул! Спасите! — заорал он.

Гондольер протянул весло. Кулек ухватился, да с такой силой, что и гондольер оказался в воде.

Все это время ничего не подозревающий Де Доминичис следил с мостика за окном Хвата. Серенада Кулька доставила ему истинное удовольствие. Заметив, что случилось с певцом, он, не раздумывая, скинул пиджак и ботинки и бросился в воду: не зря он посещал занятия «Спасение на водах». Пока гондольер, негромко ругаясь, залезал в свою гондолу, бригадир выволок на мостик другого утопленника. Глянул ему в лицо и ахнул.

— Кулек? Ты?

— Спа... спасибо, бригадир.

— Смотри, какой странный случай! Кому же это ты пел серенады?

— Да тут... одной горничной в гостинице.

— А горничную, часом, не Хват зовут?

— Хват! Скажете тоже. Нашли имя для хорошенькой девушки. Нинетта ее зовут, бригадир, Нинетта.

Де Доминичис прервал допрос и обшарил у Кулька карманы.

— Личность неприкосновенна, — сопротивлялся Кулек.

Из внутреннего кармана пиджака бригадир достал бумажник, а в нем обнаружил два билета на двенадцатичасовой поезд Венеция—Милан.

— Мне и Нинетте, — объяснил Кулек. — Она решила бежать со мной. Не разрушайте счастья влюбленных. Мы обвенчаемся в Домском соборе. Орган, знаете, и все такое.

За несколько минут до отхода поезда на Милан Хват, теряя терпение, ожидал на перроне приятеля, вместо которого перед ним неожиданно вырос, точно из-под земли, бригадир Де Доминичис. Хват был потрясен.

— Кулек не может прийти, — с любезной улыбкой сообщил ему бригадир. — Он сушит штаны в полиции. И тебя туда приглашает.

— Что за чушь! Смотрите, бригадир, не сядьте в лужу.

— А это мы поглядим, кто куда сядет. Печенкой чую: что-то ты украл. А что именно — сейчас узнаем.

Обыскал Хвата с профессиональной ловкостью, нашел колье графини Кастильоны и три раза чихнул. Купание не прошло даром, да он еще и переодеться не успел — весь был до нитки мокрый. Мокрый, но очень довольный.

Кулек в камере виновато подлизывался к Хвату. Как школьник, который получил двойку и ждет от матери нагоняя.

— Хват, а Хват, наверное, не надо было котенка жалеть.

— Разумеется, надо, — утешал его Хват. — Не пожалей ты котенка, ты бы этого себе вовек не простил. И мог бы заболеть от огорчения.

ФУТБОЛЬНЫЙ МАТЧ

Хват — самый умный вор во всем городе, его на мякине не проведешь. А вот Кулька надуть — проще простого.

— Объясни ты мне, Де Доминичис, — не раз говаривал комиссар Джеронимо, — отчего это Хват повсюду таскает с собой Кулька?

— Чужая душа — потемки, — отвечал Де Доминичис и с таким недоумением разводил руками, точно хотел сказать: кто это объяснит, тому и золотой медали не жалко.

— А по-моему, истинное призвание Хвата — нянчиться с кем-нибудь, — продолжал Джеронимо. — Будь у меня любимый кот и случись мне куда-нибудь ехать, я знаю на кого бы его оставил?

— Не знаю, господин комиссар. Но думаю, на постового Винченцы, он вполне бы для этого подошел.

— Пожалуй, и подошел бы. Но с Хватом ему не тягаться. Так, по-моему. Кулек у него вместо кота, понимаешь? В минуты отдыха он ему просто необходим. Чтобы голова отдыхала. Ты не представляешь себе, как умному хорошо отдыхается в обществе дурака.

— Может, оно и та-ак, неуверенно протянул Де Доминичис.

Кулек же, если быть справедливым, не походил ни на кота, ни на пса. Я бы его сравнил с большим добрым быком. Уменьшительное прозвище не имело никакого отношения к его размерам: он был огромен, как грузовик. Прозвали его Кульком вы уже знаете почему. Завязывал серебряной ниточкой кулек с украденными драгоценностями, вместо того чтобы скорее смыться — тут его и схватили.

Хват был высокий и тощий, Кулька бог тоже не обделил ростом, но был он широк в кости и дороден. Когда они вместе работали, Кулек, если не присмотреть за ним, производил очень много шума. Хват был в этой паре мозговым трестом. Он ходил по улицам, опустив голову, не потому что надеялся углядеть в расщелине мостовой сто лир — если глазеть по сторонам, великий замысел в голове не созреет. А великие мысли буквально роились у него в голове, и, конечно, ради этого стоило жить. Да, он был вор. Но вор высшего класса. И у него была своя профессиональная гордость.

— Понимаешь, Кулек, — рассуждал он, не поднимая головы, — добыча — это так, тьфу. Главное — как ее взять.

— А как ее взять, Хват?

— Ясное дело, по-разному. Но всегда нужно с выдумкой. И чтоб красиво было, понимаешь?

— Как не понять! Я за красоту прошлый раз год с месяцем отсидел.

— Да я не о внешней красоте, Кулек. Я о той, что вот где... — Хват постучал себя пальцем по лбу.

Кулек взглянул на его жест с недоумением:

— У меня здесь одна головная боль, когда ты начинаешь мудрено говорить. Знаешь ведь, как дядя Ансельмо меня называл: «Велика фигура, да дура». И это точно. Мне, если что втолковывать, только жизнь себе портить. Ты мне объясни коротко и ясно. Вот тогда и будет все в порядке.

Так Хват обычно и поступал. Общий план действий держал в голове, а Кульку говорил только, что ему делать в ближайший час. Притом выкладывал не все сразу, а порциями, проявляя при этом ангельское терпение, чтобы не сбить Кулька с панталыку обилием информации.

— Завтра едем во Флоренцию, — сказал Хват.

— Вот здорово! — просиял Кулек. — Обожаю Флоренцию. Таких бифштексов, как там, нигде не поешь. С каким поездом едем?

Кулек очень любил ездить на поезде.

— Обожаю поезда! — радовался он. — Как на каруселях катаешься!

То есть это я в детстве очень любил. Сколько просил: поедем на поезде, — так и не поехали. У нас дома вечно ни гроша не было.

Спустя немного Хват опять говорит:

— Пакуй чемодан, Кулек. Едем во Флоренцию на неделю.

Кулек от радости чуть до потолка не подпрыгнул.

— На неделю? Значит, и в воскресенье там будем?

— Будем, конечно.

— А ты знаешь, Хват, ведь в воскресенье во Флоренции «Интер» играет.

— Знаю.

— Хват, если отпустишь на стадион, честное слово, я... ну честное слово, прямо не знаю, что для тебя сделаю. Очень, Хват, здорово!

— Ладно, пойдешь на футбол. И место будет на трибуне за счет фирмы.

— Правда, Хват? Вот подфартило-то! Пожалуй, надо пиджак снять. Даже жарко стало, в пот ударило...

— Складывай чемодан, Кулек.

— Сейчас-сейчас!

Утром возле своего чемодана, набитого пижамами, рубашками, сменой белья, Кулек увидел еще один.

— А это чей, Хват? Мы его тоже возьмем?

— В нем наша работа.

— Тяжеловата, Хват, а?

— Полно тебе, каких-нибудь килограммов десять.

— Ну тогда, так и быть, понесу!

— А тебе не интересно, что там?

— Потом скажешь, во Флоренции.

В поезде Кулек перелистал кучу комиксов, проглотил гору бутербродов, выпил десять бутылок пива. И через каждые четверть часа — ел ли он, пил или читал — он неукоснительно хлопал Хвата по коленке и ликующе восклицал:

— Помнишь про «Интер», Хват? Вот будет здорово!

Хват, разумеется, помнил, но только совсем по другой причине.

Приехали во Флоренцию. Вечером в гостинице планы Хвата начали наконец обретать плоть. Он извлек из тяжелого чемодана какой-то разобранный механизм и принялся его собирать, приказывая Кульку подать то одно, то другое.

Кулек смотрел на все эти валики, колесики и винты, ничего не понимал, но помогал с готовностью.

— Догадываешься, для чего эта машина, Кулек?
— А что мне догадываться? Что я буду с ней делать?
— Деньги делать, куриные твои мозги.
— Деньги? Печатать? Фальшивые? Да ты что, Хват. Ты ведь сам говорил: с Итальянским банком тягаться опасно.

— Так и быть, слушай, Кулек, — улыбнулся Хват. — Что у нас в воскресенье во Флоренции?

— Как что? «Интер» играет с флорентийцами.

— Вот именно. А много народу туда пойдет?

— Сам архиепископ побежит, если время выкроит.

— А что надо, чтобы туда попасть?

— Как что? Билет, конечно. Запастись за неделю, а то и не попадешь.

— Вот то-то и оно, что без билета не попадешь.

И с этими словами Хват, как-то особенно улыбнувшись, вытащил из портфеля пачку билетов:

— Трибуны, боковые места...

— Хват, я всегда говорил, ты гений. Обо всем позаботился. Только куда нам такая прорва билетов? Нас ведь двое.

— А с этих настоящих билетов Хват скопирует много-много фальшивых. Кулек их продаст и получит много-много настоящих денег.

— Постой, Хват, не так быстро. Ты столько всего наговорил, что у меня голова закружилась. Давай все по порядку. Как дядя Ансельмо делал? Сначала посылал меня за молоком, потом за сигарой, а уж потом за тосканской газетой. Нет, кажется, не так: сначала за тосканской сигарой, потом за молоком, а уж потом за газетой.

Хват повторил все еще раз. У Кулька опять голова закружилась, на этот раз от изумления.

— И зачем ты, Хват, занимаешься нашим делом? Цены ты себе не знаешь. Тебе прямая дорога в министры. У тебя, Хват, мозгов на килограмм больше, чем у всех...

И понесло Кулька, и понесло. Когда у него голова кружится, язык тоже действует без остановки. И закрутилось дело. Машинка печатала такие красивые билеты на матч, что рядом с ними настоящие казались фальшивыми. Кулек продавал их, начиная с четверга, небольшими партиями. Последнюю партию продал в воскресенье утром. Билеты шли нарасхват, кассы были давно пустые, как всегда перед интересным матчем. Кулек то и дело возвращался за новой пачкой билетов. Сдаст выручку, получит билеты — и к стадиону, а Хват для порядка записывает приход в школьную тетрадку в клеточку.

— Сто тысяч... сто пятьдесят... триста двадцать семь тысяч... триста пятьдесят.

— Неплохо, Кулек, совсем неплохо, — сказал он в последнее возвращение Кулька. — Назначаю тебя заместителем директора фирмы.

— Спасибо, Хват. Но ты ведь знаешь, я не карьерист. На этом сегодня я, пожалуй, закончу. Спешу на футбол. Хочу поболеть немножко.

А чтобы «немножко поболеть», Кулек купил у одного мальчишки рупор. Тот меньше всего ожидал, что когда-нибудь расстанется с такой необычной игрушкой, но перед Кульком он не устоял.

— Продать рупор? Совсем с ума сошел!

— Пять тысяч лир!

— Чокнутый!

— Десять тысяч!

Мальчишка заколебался; а приятели его, видя, что дело серьезное, перестали галдеть.

— А вы за кого болеете? — растерянно спросил мальчишка.

— Ясное дело, за флорентийцев, — слукавил Кулек, хотя это было не в его правилах.

— Ладно, берите, — сдался юный болельщик. — Если бы за «Интер», за сто тысяч не отдал бы.

— Получай свои десять тысяч!

— Одиннадцать! — мальчишке опять стало жалко рупор.

— Держи — десять и еще одна.

Кулек вернулся в гостиницу победителем, торжественно неся перед собой рупор. Хват не был болельщиком, после обеда он прилег отдохнуть и лежал, разгадывая кроссворды.

— Победа! Наши выиграли! — ликовал Кулек.

— Кулек, — подозрительно спокойно произнес Хват, — ты был на стадионе с этой штукой?

— И кричал в нее! Мой голос грохотал, как гром! У меня ведь глотка сам знаешь какая! Еще дядя Ансельмо смеялся: глоткой удался, да умом не задался.

— Очень был проницательный человек твой дядя Ансельмо. Очень.

— Что ты на меня так смотришь, Хват? Чем я тебе не потрафил?

— Умненький-благоразумненький Кулек, — начал Хват, подражая сверчку, пытавшемуся образумить Пиноккио, — ты, верно, хочешь обратить на себя внимание полиции? Тогда высунись в окно и дуди изо всех сил в свой рупор!

— Что ты такое говоришь, Хват? Зачем это дудеть в окно? Мы, сла-

ва богу, остановились в приличной гостинице. Если я начну дудеть в окно, нас тут же попрут.

Хват на это ничего не ответил и вообще прекратил разговор.

Но через месяц Хват бесцеремонно отнял у Кулька свисток, когда тот отправился «болеть» на встречу «Интера» со своим очередным противником. Дело было уже в Риме, куда компаньоны перенесли свою деятельность по продаже фальшивых билетов. «Интер» на этот раз играл с командой «Рома» (продано сорок тысяч фальшивых билетов).

— Отдай свисток, Хват,— канючил Кулек.— Он такой маленький!

— Маленький, да удаленький. Свистит так, что можно оглохнуть. Зарубил ты себе на носу: на стадионе нужно быть тише воды, ниже травы. Будто тебя там и нет, как будто ты невидимка. Кто больше всех шумит, того больше всех видно.

— Не видно, а слышно!

— Не спорь, Кулек, видно. Оглянется полицейский на твой свист да и узнает тебя. «Ишь,— скажет,— как Кулек разошелся. Пойти, что ли, потолковать с ним».

— Да мы же в Риме, Хват! Тут и полиция другая. И полицейские меня здесь не знают.

— Выбирай, Кулек, свисток или матч.

В Болонье (встречались «Болонья» и «Интер», продано пять тысяч фальшивых билетов) Хват изъясил у Кулька губную гармошку.

— Ведь это губная гармошка, много ли от нее шуму? Чисто ведь символический будет шум,— чуть не плакал незадачливый музыкант.— Там знаешь как орут? Мой писк никто не услышит.

— В делах свои правила, Кулек. Гармошка или матч?

— Матч,— вздохнул Кулек.

Фальшивые билеты, наводнившие чемпионат, понятно, заставили и полицию пошевелить мозгами. Начались слезки, прочесывания, погони. Полиция с ног сбилась, но все тщетно. Кто печатает билеты, кто продает,— темное дело и никакого просвета.

Первую ниточку ухватил комиссар Джеронимо.

— А ты обратил внимание, Де Доминичис...

— На что, господин комиссар?

— Значит, ничего не заметил? Тогда слушай. Фальшивые билеты появились во многих местах. Жесткой схемы пока не заметно. Мошенники орудуют не каждое воскресенье, но зато дважды в одном месте не появляются. Вот смотри — это график их переездов. Не замечаешь ничего любопытного?

Бригадир сосредоточенно разглядывал график.

— Хм-хм,— размышлял он.

— А ну-ка пораскинь мозгами. Здесь есть два интересных момента.

— Точно! — обрадовался Де Доминичис. — Наши приятели ни разу не появлялись в Милане. Значит, они не миланцы.

— А может, наоборот — миланцы и потому действуют подальше от родных мест. А еще что?

— Еще...

— Ладно, не мучайся. Видишь, не пропущено ни одного матча с «Интером».

— А ведь и верно!

— А когда теперь «Интер» играет на чужом поле?

— Это я знаю прекрасно, комиссар,— вздохнул Де Доминичис.— Через два воскресенья. В Неаполе. Я сам из Неаполя, но придется торчать в Милане. А это особенно обидно.

— Вот ты и поедешь, бригадир, в Неаполь. И посмотришь игру. При чем отправишься через пару дней. Неплохо там отдохнешь. Гуляй по виа Рома, поезжай в Мерджеллину — и смотри в оба. Ясно? Как тебе мое предложение? Может, это ничего не даст, но попробовать стоит. Я думаю, если в Неаполе будет действовать кто-нибудь из наших, нам его поймать легче, чем нашим неаполитанским коллегам.

Комиссар сунул в ухо мизинец и энергично им покрутил.

Таким образом он успокаивал свои мозги, скрытые под розовой лысиной, когда их начинала будоражить догадка.

— Значит, в Неаполь! — воскликнул бригадир Де Доминичис.

— Значит, в Неаполь! — промурлыкал счастливый Кулек. Хват обещал ему, что они посмотрят в Неаполе очередной замечательный матч.

— И это последний раз,— решил Хват.— Пожалуй, мы уже слишком глаза намозолили. Как бы не загреметь с этим футболом.

— Да ведь все пока идет гладко.

— Я бы сказал — даже слишком гладко. Пора и честь знать.

— Но, Хват, это ведь «Неаполь» — «Интер». Игра года!

— Знаю, Кулек. Думаю сбить пять тысяч билетов.

Сбыли, однако, шесть тысяч шестьсот, причем чуть ли не под самым носом у бригадира Де Доминичиса. Он жил в гостинице, которая была метрах в трехстах от той, где остановились Хват с Кульком. Там они значились один под именем господина Бьянки, представителя миланской фирмы, другой как господин Росси из Бусто-Арсизио, торговец овощами и фруктами.

— Ты доволен, Хват?

— Да, Кулек, не дурно.

— Ну так я пошел, как бы не опоздать.

— Иди, конечно. Только смотри, веди себя, как приличествует деловому человеку. Надеюсь, никаких у тебя дудок, свистков, гармошек с собой нет?

— Откуда им быть? Если не веришь, посмотри.

— Ступай, верю.

Кулек тоже был в себе уверен. Но мог ли он предположить, что не пройдет он и двадцати шагов, как из какого-то переулка выскочит мальчишка с литаврами. Мальчишка был совершенно один, в каждой руке по тарелке, и он громко бил ими друг о дружку — бам-м! бам-м! бам-м!..

У болельщиков, шедших на стадион, каких только не было с собой инструментов! И барабаны, и трубы, и кастаньеты, и какие-то доморощенные дуделки, трещотки.

Но Кулька подкосили литавры. Он глядел на них как замороженный. Литавры еще в детстве завладели его воображением. Приедет в деревню оркестр — он бежит с мальчишками поглазеть. Какие там были тромбоны! Турецкий барабан! Загляденье! Но тарелки... тарелки, ах! Это и музыка, и веселье — чудесный, восхитительный праздник! И чего это мальчишка с тарелками хмурится, вместо того чтобы радостно улыбаться? Ведь так здорово звучит — бум-м! бум-м! бум-м!

— За сколько отдашь тарелки?

Мальчик и ухом не повел.

— Я хорошо заплачу,— не отставал Кулек.

Бам-м! бам-м! бам-м!..— вместо ответа ударял мальчишка.

Понял Кулек — словами его не примешь, и показал бумажку достоинством в... .

Мальчишка развел тарелки, чтобы еще раз ударить, взглянул на банкноту и от удивления разинул рот. Тарелки упали на землю — бам-м! бам-м! бам-м!.. Мальчишка схватил деньги и наутек.

Кулек поднял тарелки и мысленно попросил у Хвата прощения: «Если уж мы последний раз смотрим игру «Интера», так надо же спеть прощальную серенаду!»

Просунул руки в кожаные петли и почувствовал, что в эту минуту сбывается его заветная мечта, поселившаяся в его душе лет тридцать назад. Он воображал себя тем усатым музыкантом из детства, за которым не дыша вышагивали замороженные мальчишки. Взмахивая тарелками, Кулек чувствовал себя великим музыкантом.

Победоносно прошествовал он на стадион и поднялся на трибуну, прокладывая себе путь взмахом тарелок. Вокруг хлопали в ладоши, восторженно поощряя Кулька. Но только начался матч, восторженные крики смешались с руганью и проклятьями. На трибунах — враг, пятая колонна, Кулек ведь болел за миланцев.

Он не очень-то хорошо понимал неаполитанский говор и не обижался на брань, которой его осыпали. Улыбался во все лицо и бил в свои тарелки. Вокруг одни враги, а он хоть бы что, ни капельки не струсил. Страху просто не было места в этой горе бицепсов, обтянутых одеждой.

На пятой минуте после начала «Интер» забил первый гол.

Бам-м! бам-м! бум-м!.. — торжествовали тарелки.

— Чтоб он сквозь землю провалился, этот миланец! — подумал бригадир Де Доминичис, сидевший двумя рядами ниже. — Если нашим забьют гол, а он будет бить, подавится он у меня своими тарелками.

Бам-м! Бом-м! Тилибом-м!..

Де Доминичис обернулся и стал высматривать зловредного болельщика миланского «Интера».

«Надо же! Это ведь наш Кулек! А где Кулек, там и Хват. Где же Хват?»

Бом-м! Бом-м!..

«Бей погромче, золотко. Сейчас увидишься с бригадиром».

Кулек заметил его, когда игра возобновилась с центра поля. Зажмурился — чур тебя, исчезни! — открыл глаза — Де Доминичис никуда не исчез. Сидит себе на своем месте, черные усики, шляпа, надвинутая на правый глаз, — все при нем.

Кулек сложил свои тарелки, и бригадир понял — Кулек сдался.

— Здорово, Кулек!

— Здравия желаю, бригадир. Видели, какой гол! «Интер» потрясающе играет.

— А вот ты-то, золотко, проиграл игру.

— Бог с вами, бригадир! Я чист как стеклышко.

Карманы у него, однако, топырились от фальшивых билетов. И еще карточка, на которой указан адрес гостиницы и номер. В этом номере бригадир и нашел Хвата. Хват разгадывал кроссворд. Тут же на столе стоял печатный аппарат и рядом выручка, аккуратно уложенная в пакеты по тысяче лир, по пяти тысяч и по десяти.

— И ты, Хват, на кульки перешел?

— В делах, бригадир, порядок нужен.

— Ну, значит, можно не беспокоиться, камеру будете содержать в порядке.

Кулек впал в глубокое уныние; Хвату пришлось утешать его несколько дней.

— Ведь говорил же ты, Хват: «Забудь про музыку, от нее вся наша коммерция пойдет прахом».

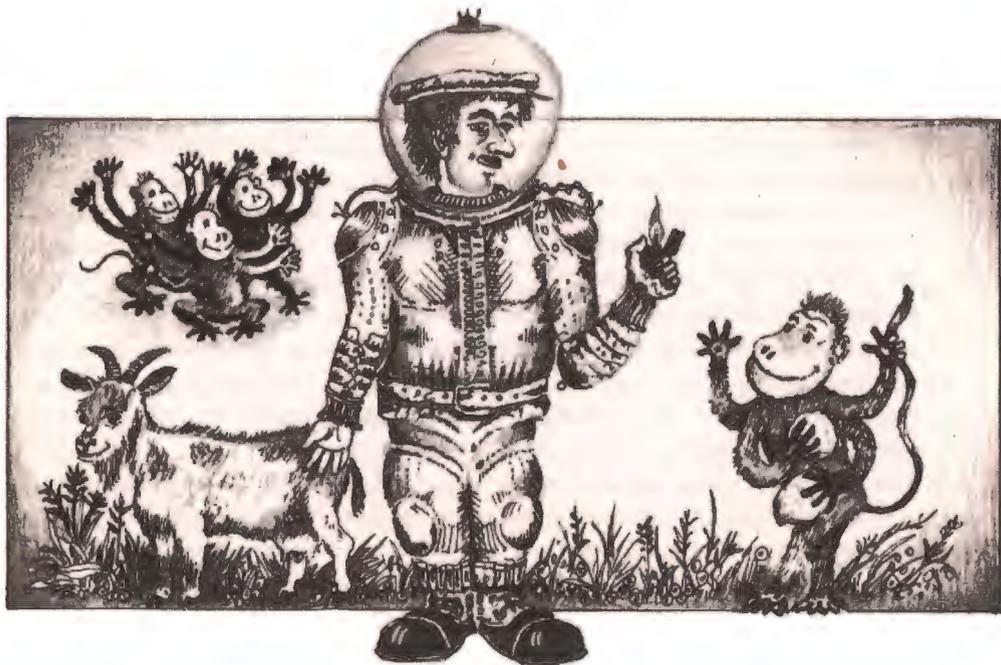
— Что поделать, Кулек. Призвание, как видно, дело нешуточное. Выходит, ты рожден быть музыкантом, играть на свадьбах в деревенском оркестре.

— Пробовал, Хват. Но вот беда — ноты я плохо разбираю. И пришлось мне таскать турецкий барабан — я был самый здоровенный в оркестре.

— А что дальше было? Рассказывай, Кулек, я люблю тебя слушать.

Хват лег на койку, потянулся, зевнул. Так и слушал истории Кулька ровно два с половиной года.

КОСМОНАВТ-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ X. 99

1. Бог огня

Это правда, что на одной необитаемой планете меня приняли за Бога огня?

Нет, господин журналист, неправда. Я никогда никого не обманывал, даже шестипалых обезьян, которые жили на планете Мירו. О моих космических странствиях рассказывают столько всяких небылиц! Я никогда не был женат на женщине-паучихе по той простой причине, что в глаза ее не видел, и вообще сомневаюсь, чтобы такая женщина существовала. Не был я и королем народа Кенгуру, да они этого и не потерпели бы, ведь они до мозга костей республиканцы.

Так вы хотите услышать историю о Боге огня? Извольте, я вам ее сейчас расскажу, но обещайте в дальнейшем никогда мой рассказ не украшивать. Обещаете? Ну так вот. Был я одно время смотрителем маяка на астероиде X.99. Астероид X.99 — это огромная голая скала, на которой ни кустика, ни травинки; солнце на нем восходит и заходит двадцать раз в сутки. Теперь вы понимаете, почему меня называют космо-

навт-исследователь X.99? По научному обозначению моего астероида. Ничего, как видите, таинственного. И с козой, по-моему, все ясно — люблю козье молоко, вот и все. Раз в месяц вместе с провиантом и снаряжением мне на астероид присылали контейнер свежей травы. Ассоциация космических линий долгое время не могла найти человека, которому улыбалось бы жить отшельником на голой скале. И я мог ставить любые условия, вы ведь знаете, как необходимы маяки на космических трассах. Я же поставил только одно условие — всегда вдоволь свежей травы для моей Ренаты. Ренатой звали мою козу, как вы догадываетесь. Видите посреди гостинной чучело? Это она, Рената. Я уже больше не летаю на планеты и астероиды, возраст не позволяет, так что мы с Ренатой будем теперь до конца дней вместе.

В тот раз я получил задание слетать на планету Мירו. Надо было посмотреть один автоматический прибор. Он работал уже десять лет и последнее время начал барахлить.

На планете Мירו, как известно, обитают одни обезьяны, мирные твари без малейшего проблеска разума. Никакой опасности для видавшего виды космического исследователя, тем более, как думали на Земле, вооруженного до зубов. Но я, разумеется, никакого оружия с собой не взял. Прихватил только свою Ренату, чтобы утром на завтрак пить, как обычно, козье молоко.

Снарядил я разведывательный мини-корабль и очутился в одночасье на соседней планете. Прибор был установлен в горах у маленького озера, вода которого была изумрудно-зеленого цвета. Я занялся починкой, а Рената резвилась неподалеку, щипала свежую травку — прожить столько месяцев на голых камнях астероида не шутка, тем более для козы. Скакала она, бегала, ну и убежала куда-то. Починил я прибор, пора и домой собираться, глядь — а Ренаты нет. Пошел я ее искать. Рядом роща, я — туда. Ходил, ходил, насилиу нашел. Стоит Рената смиренхонько, а две здоровенные обезьяны доят ее по очереди одна другой в рот. Вокруг еще десяток обезьян стоят смотрят, вытаращив глаза. Увидели меня, зашевелились, но не бросились врассыпную. А те две знай себе лакомятся моим молочком. Я даже не рассердился — такая была забавная сценка. Взял в рот сигару, вынул из кармана зажигалку и зажег ее.

Обезьяны, как увидели пламя, от ужаса затряслись и попадали предо мной ниц. Вот тебе на — за Бога огня, что ли, меня приняли? Но тут же отбросил эту дикую мысль. Обезьяны ведь не понимают, что такое бог. Однако их действия явно говорили о том, что они уже находятся на переходной ступени от обезьяны к человеку. Огонь в них пробудил что-то

вроде священного ужаса — они испускали протяжные вопли, напоминающие пение; ритмично встряхивали головами. Да, как видно, в этих головах уже вспыхнула искра разума.

Стою я, гляжу на них и размышляю, что же мне сообщить об этих обезьянах на Землю. Наконец спохватился — пора в дорогу, позвал Ренату, и зашагали мы с ней к нашему кораблю. Обезьяны — следом, ползут, соблюдая расстояние, но стараясь и не отстать. Подошел я к своему кораблю, обезьяны как раз до берега доползли, замерли все, как по команде, и стали подниматься на ноги. Вот тут-то меня и осенила одна мысль.

Поднял я с земли два камня и стал с силой ударять их друг о дружку. Подошел к одной обезьяне, вложил камни ей в лапы и показал, как бить. С другими обезьянами проделал то же самое. «Бейте, — кричу им, — старайтесь, да повеселее!» Они и давай бить, лупят камень о камень, в раж вошли, но безо всякого смысла. Ну и конечно, посыпались от этих ударов искры. Обезьяны перепугались, побросали свои камни, я их подобрал и снова вложил каждой в лапы и опять приказал бить. Вдруг замечаю, одна обезьяна, стоявшая позади, как будто смекнула, в чем дело. Ударила камнем о камень, высекала искры (ей, наверное, достались самые удачные камни) и с интересом, безо всякого страха смотрит на них. Ударит, посмотрит на искру и переведет взгляд на меня. Поняла, значит, что искры не сами собой вылетают, что это она сама высекает их. Сначала руками поняла, а потом и головой. Словом, зашевелилась у нее в голове мысль. «Молодец, — говорю я ей, — продолжай дальше». Вышла она вперед и стала высекать искры, издавая ликующие крики. Забыла про мою зажигалку, про недавний страх перед Богом огня. Она открыла огонь! Понимаете? Ударяет камнем о камень, высекает искры, а я ее подзадориваю: «Сильнее бей! Сильнее!»

Что я сделал дальше? А ничего. Сел в свой мини-корабль и улетел к себе на астероид вместе с Ренатой. Бывает, что достаточно показать всего один раз. У обезьян очень быстро установилась связь между движением руки и нервными клеточками в мозгу. А это самое главное.

Вот, собственно, и вся история про Бога огня. А почему вы не попробовали жаркое из дичи? Знаете, как вкусно!

Опасаетесь? Напрасно, я только что открыл эту банку. Знаменитые консервы с планеты Мירו. На всех обитаемых планетах пользуются большим успехом.

Кто их изготавливает? Да они, жители планеты Мירו. Это их фирмен-

ное блюдо. Всего только пятьдесят лет как научились добывать огонь — и вот уже образцовая пищевая промышленность. Видите ли, когда у тебя руки о шести пальцах, да ты их с умом используешь, дело идет куда быстрее. Да и рук к тому же две пары, с одной парой не сравнишь. Что? Ходят не на руках? Ну, если вас это волнует, значит, вы просто ничего не поняли. На этом тогда и кончим.

2. Деревья убивать не могут

Как-то раз меня послали на Парко, маленькую зеленую планету, всю поросшую лесом. Открыли ее индусы в начале XXI века. Я должен был найти тело погибшего исследователя-бразильца; его спутники бежали с планеты сломя голову. Ну и оставили его там. Вот мне и пришлось лететь за ним. Вы, вероятно, помните эту историю? Ваша газета тоже об этом писала, тогда еще распространился слух, что на Парко растут деревья-убийцы. Я в те годы был смотрителем радиомаяка на астероиде X.99. Жил я там совсем один, если не считать козы Ренаты. Впрочем, я вам уже об этом говорил. От моего астероида до планеты Парко две недели лету. Задание было нетрудное — разве что возиться с покойниками неприятно. В то, что деревья могут убивать, я не верил. Однако испугать, пожалуй, эти деревья могли.

Погода в тот день была не жаркая, но тихая, ни ветерка, а кроны над головой точно с ума сошли: и самые высокие ветки, и те, что пониже, — шевелятся, раскачиваются и так шуршат и скрипят, что я нет-нет да и задеру голову. И вот ведь какая странность: стволы не шелохнутся, а ветки так и танцуют, точно их кто за веревочку дергает. Чем дальше я углублялся в лес, тем сильнее качались ветки, а возвращаться нельзя — бразилец погиб где-то в самой чащобе. Товарищи его утверждали, что

его убило дерево. Ветками по голове. Во всяком случае, смерть наступила от ударов. Представьте себе дерево-убийцу, работающего тяжеленными сучьями.

Рената понуро брела за мной, не издавая ни звука. Чувствовалось, что ей тоже очень не по себе. Она ни разу не остановилась пожевать листьев, пощипать травки, а трава была такая зеленая и вся в каплях росы. Но самое удивительное случилось дальше. Не знаю, как другие, но, когда я вступаю в лес, первое мое желание — вырезать себе хорошую палку из первого подходящего ствола. Вот и в этот раз. Увидел я стройную березку, и рука сама потянулась к ней. Не тут-то было — Рената как двинет меня рогами в бок, я от этого деревца на несколько метров отлетел. Ничего не скажешь, крепкие у моей козочки рога.

— Что это с тобой? — удивился я.

Рената, разумеется, не ответила. Проследил я за ее взглядом, вижу — мертвый бразилец. Деваться некуда, зажал я нос, подошел поближе, быстренько собрал останки в большой гигиенический пакет и повернул обратно. Управился я в считанные минуты, но все время слышал над головой скрипы, треск, даже как будто чье-то бормотание. И все это при полном безветрии, как я уже говорил.

На обратном пути я то и дело останавливался, чтобы заснять на пленку обступивший меня лес. Вот где действительно неопишуемая красота. Я и не стану описывать, а лучше покажу вам этот фильм. Ага, вот и катушка. Садитесь-ка на диван, оттуда хорошо видно.

Ну что? Правда, как странно колеблются эти ветви? Чувствуете, что во всем этом что-то есть? А что — сразу не понять. Я эту пленку раз сто прокручивал и ничего не понимал — смотрел как замороженный, и все. Этот шевелящийся лес так завладел моим воображением, что я уже и спать не мог, силясь проникнуть в его тайну.

Жизнь в космосе полна неожиданностей. Кто только не залетал ко мне на астероид. Однажды собственной персоной явился профессор Де Мауро. Да, тот самый, выдающийся лингвист и полиглот. Откуда он летел, куда — не могу сказать, вышла у них из строя радиоаппаратура, а у меня на астероиде можно разжиться любой запчастью. Пока механики чинили поломку, я развлекал профессора тем, что показывал ему фильмы, снятые мной во время космических странствий. Случайно попалась пленка с лесами Парко. Профессор как увидел шевелящиеся ветки, так даже подпрыгнул повыше моей козы Ренаты, такой его обуюл восторг. Прокрутил пленку раз десять. Смотрит, а сам записывает что-то, рисует, руками машет. Порвет рисунок и опять рисует.

— Да понимаете ли вы, — воскликнул он наконец, — что вы такое наши?!

— Животрепещущий лес, — сострил я.

— Говорящий! — поправил меня профессор. — Настоящие говорящие деревья! Говорят они жестами, с помощью веток. Уникальный случай невербальной коммуникации. Прокрутите-ка еще раз.

Я включил проектор. А профессор — не сойти мне с этого места — начал переводить:

— Они говорят: к нам прилетел друг. Он забрал врага. Рената хорошая, не щиплет травку... Враг хотел вырезать палку и погубил деревце... Вы полетите обратно на летающем дереве...

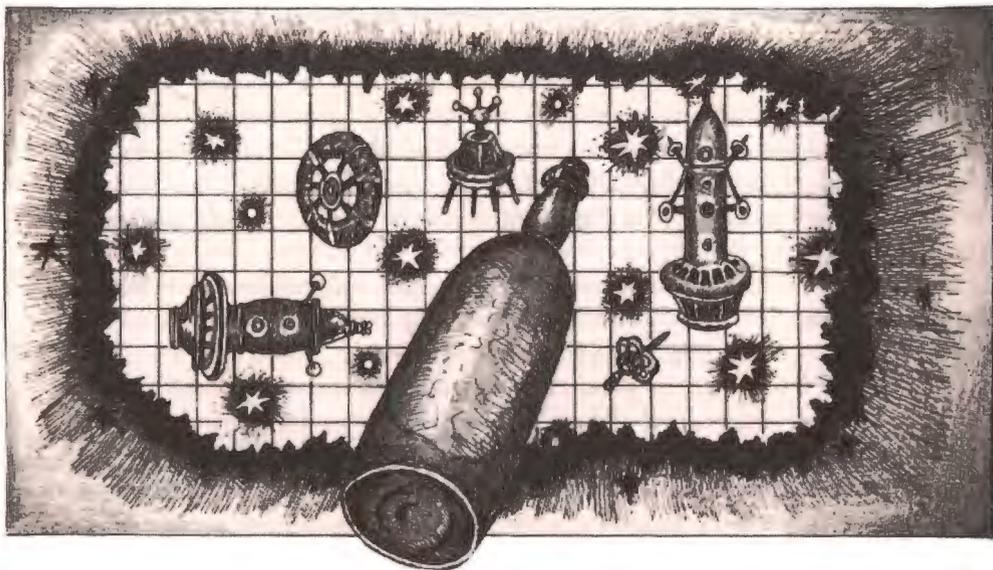
— Может, это ваша фантазия? — не поверил я своим ушам.

И кто меня дернул за язык сказать эти слова! Профессор остался у меня еще на три дня и заставил учить язык ветвей. С утра до ночи я махал руками, как сигнальщик на корабле, повторяя за профессором жесты деревьев. Сначала алфавит, потом слова. Механики, глядя на нас, умирали со смеху.

Профессор был доволен моими успехами в изучении языка ветвей. И на третий день отдал команде приказание лететь. Сел в свой аппарат и замахал мне в иллюминатор руками — прощался со мной на языке деревьев. Я же в ответ просто махнул рукой безо всякой этой чертовщины.

Вы ведь знаете, что впоследствии профессор летал на планету Парко и вернулся оттуда с полным словарем тамошнего языка. Но одного вы не знаете — я до сих пор никому об этом не говорил, — что первым человеком, вступившим в общение с деревьями планеты Парко, был ваш покорный слуга. Хотя профессор изрядно меня помучил, пока обучал языку ветвей, это не умалило моего восхищения перед говорящими деревьями. Я часто вспоминал их, буквально заболел ими. Лечу я как-то мимо Парко и чувствую: с ума сойду, если не загляну к моим старым знакомцам. Высадился, дошел до опушки — деревья стояли не шелохнувшись. Я вспомнил уроки профессора Де Муаро и просигналил руками фразу: «Деревья и люди — друзья». Ветви тотчас зашевелились в ответ, и я без труда прочитал: «Рената тоже наш друг».

3. Космические пауки

Да, я очень хорошо помню ту историю с космическими пауками. Какого они страху тогда нагнали на всех! Случилось это в тот год, когда Рената вдруг стала доиться зеленым молоком. Нет, космические пауки тут совсем ни при чем. Зеленое молоко — это другая история. Всему свой черед.

В тот год стали вдруг пропадать бывшие в полете космические корабли. Один исчез, потом другой, третий. Паника поднялась во всей солнечной системе. Только что Земля или, к примеру, Сатурн говорили по радио с кораблем, только что он держал связь с моим радиомаяком на астероиде X.99 — и вдруг ни связи, ни корабля. Исчез, как в воду канул. Исчезали не на всех линиях, только на трассе Альдебаран 2. Среди пропавших был даже крейсер космического военного флота.

Вы журналист и можете себе представить, какой шум подняли газеты на всех языках. Но какими бы зловещими ни были заголовки, действительность была куда страшнее. Космические перелеты стали к тому времени делом обычным. Уже лет пятьдесят люди спокойно летали во все уголки солнечной системы. И на тебе — исчезли корабли, да не один, а сразу несколько.

С теорией, проливающей свет на этот кошмар, выступил профессор

Файнстайн — мозг номер один на всех объединенных планетах. Он заявил, что космические корабли попадают, по-видимому, в некую магнитную западню. Это заявление, разумеется, послужило еще большему нагнетанию страха.

— Представьте себе паутину, — пояснил свою мысль профессор, — величиной в двести или триста квадратных километров.

Хорошенькое дело — паутина. Чтобы ее сплести, нужны пауки. Естественно, встал вопрос, откуда взялись эти космические монстры, плетущие межзвездную паутину, чтобы ловить в нее, как мух, наши могучие красивые корабли.

Поползли самые разнообразные слухи. Один исследователь, старец преклонных лет, припомнил, что в одном из своих полетов слышал о мире, населенном разумными пауками. Эти пауки плели электромагнитные паутины. Можно предположить, что им приспичило завоевать космос, и они начали военные действия, предводимые каким-нибудь новоявленным диктатором Млечного Пути.

Цивилизацию людей грозила сменить цивилизация пауков. Ясное дело, все это были досужие бредни, но магнитная паутина тем не менее существовала.

Прошло какое-то время, и в один поистине прекрасный день пропавшие корабли неожиданно-негаданно объявились и как ни в чем не бывало полетели дальше каждый по своему курсу. Командиры ничего не могли объяснить. Они утверждали, что в полете никаких происшествий не было. Во всяком случае, они ничего такого не заметили. А где они находились все то время, пока их считали погибшими? «Какое время?» — искренне удивлялись они.

У всех у них был, очевидно, провал в памяти, «черная дыра», так сказать. Соскользнули в сопряженное с нашим пространством и ровным счетом ничего не почувствовали. Было над чем поломать голову.

Опять выступил профессор Файнстайн, сообщивший, что электромагнитная паутина все еще на месте. А через день новое известие: таинственной паутины больше нет. Ее сняли, вроде того как снимают с веревки высохшее белье. Вот уже действительно загадка!

Но кто снял паутину и кто натягивал? Пока этот вопрос не выяснен, полеты на трассе «Альдебаран 2» возобновлять опасно. Сначала надо сделать пробный полет. Кому же поручить это рискованное задание? Выбор, естественно, пал на меня. Страшно ли мне было? Не очень. Раз все корабли вернулись, значит, риск, скорее всего, минимальный. Но все-таки лететь в неизвестность не очень-то весело, и холодок нет-нет да и

пробежал у меня по спине. Но взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Вылетел я, значит, по трассе «Альдебаран 2» и через две недели достиг того места, где, по расчетам, была натянута паутина. Прочесал я его вдоль и поперек. Пусто, никакой паутины и в помине нет. Только ярко, как всегда, горят звезды. Сообщил я на Землю радостное известие и получил приказ возвращаться домой. Развернулся, лег на курс, вдруг как будто что-то ударило по обшивке корабля. Потом послышался негромкий, но настойчивый звук. Что бы это могло быть? Похоже, какой-то предмет, смахивающий на бутылку. Так и есть — бутылка! Что это? Чья-то шутка? Кусочек вакуума, выброшенный каким-нибудь космонавтом? А может, в бутылке письмо?

Что было дальше, расскажу вкратце. Вы ведь, конечно, помните эту историю. В бутылке действительно оказалось письмо. Вон оно — в рамочке. Я оставил его себе на память. Даже не знаю, на каком оно языке. Но ученые все-таки прочитали его. Тут рядом и перевод: «Уважаемые граждане Галактики, простите нас, пожалуйста. Мы, два мальчика — Джулай и Пьерай, — живем в мире, сопряженном с вашим. Наша любимая игра «морской бой». Мы выбрали для боя эту часть вашей Галактики безо всякого злого умысла. Мы подумали, что тут никого нет. А оказалось, что в этом месте проходит трасса ваших космических полетов. Несколько наших ударов попали в цель, и ваши корабли очутились у нас. Учитель устроил нам хорошую головомойку и в наказание велел сто раз написать в тетрадке: «Мы должны уважать сопряженные миры». С глубоким уважением, Джулай, 8 лет, Пьерай, 7 лет».

Бутылка хранится в Межгалактическом исследовательском центре. Ученые изучают ее не один десяток лет, но о результатах своего труда помалкивают.

А вы, случайно, не умеете играть в морской бой? А то давайте сыграем? Карандашом на бумаге, конечно, безо всяких там электромагнитных паутин в межзвездных далях.

4. Сигналы в ночи

Как-то раз мне пришлось по чистой случайности приземлиться на планете Кама: у меня отказало электрооборудование. Корабль мой сел, по моим расчетам, километрах в двухстах от ближайшего города в пустынной степи. Я понятия не имел, помогут ли мне жители этой планеты. Но положение было безвыходное, и я решил идти в город. Путь предстоял длинный, а со мной не было даже Ренаты, я на этот раз ее не взял, думая вернуться домой дня через два, не больше. «Домой» — значит, на мой астероид, разумеется.

Солнце садилось. Ночь на Каме тянется пятьдесят часов. Так что радоваться, как вы догадываетесь, господин журналист, было нечему. Сложил я в рюкзак все необходимое, взглянул на светящиеся часы, которые носил на руке, и пошел прямо по степи. Трава там невысокая, но густая, в закатных лучах ярко пестрели незнакомые цветы. С цветка на цветок летали какие-то насекомые, похожие на пчел. Пожалуй, это и были пчелы, только побольше наших. Хорошо, что пчелы, а не осы, можно было не бояться, что ужалят. Одна пчела подлетела к самому моему носу, покружила пару раз над головой и улетела. Затем прилетели еще две пчелы, проделали то же самое и улетели. Скоро над моей головой кружила уже целая дюжина пчел. Они точно разглядывали меня с головы до ног.

«Вот глупые, — подумалось мне, — я ведь не цветок, с меня и взятки гладки».

Скоро опустилась ночь. Залез я в спальный мешок и пожелал себе хороших снов. Я решил отправиться дальше, когда похолодает — пойду быстрым шагом и не замерзну.

Решить-то я решил, но ничего из моего решения не вышло. Лежу я на боку и вглядываюсь в ночную темень. Вдруг вижу: совсем рядом заплясали в воздухе светящиеся точки. Их становилось все больше. Сотни, тысячи светлячков, и все танцуют, рисуя в темноте беспорядочные, состоящие из углов узоры.

Танец внезапно прервался, светлячки начали роиться. И вот уже над моей головой повис светящийся шар. Я вгляделся — это были не светлячки, а пчелы, которых я заметил раньше, но светились они раз в десять ярче, чем наши светлячки. Ночи на Каме длинные и темные, вот они и обзавелись собственными фонариками, иначе, пожалуй, им было бы и не выжить. Интересно, что все-таки означает шар? Зачем он повис надо мной? Одно ясно, это сигнал, и, разумеется, сигнал мне. От удивления расхотелось спать, и я сел. Шар отлетел в сторону, надо мною опять воцарился мрак. В этот-то мрак снова слетелись пчелы и построили прямой угол. Потом одна сторона вытянулась, загнулась и соединилась с концом другой стороны. У меня на глазах образовался прямоугольный треугольник и застыл в воздухе. Затем от шара отделились еще пчелы и построили сначала на гипотенузе, потом на катетах квадраты. Теорема Пифагора! Сомнений не было: это пчелы — разумные существа. Надо же, что придумали! Честное слово, изобрази они своим строем знаменитый миланский собор, я бы меньше удивился.

В ответ я начертил на земле круг. Пчелы тотчас сели на линию окружности, подправив допущенные мной изъяны, затем подрисовали радиусы и диаметр. Между нами завязалась непринужденная геометрическая беседа. Но моих знаний хватило ненадолго. Пчелы в математике оказались сильнее. Они бойко рисовали все новые фигуры, и я даже растерялся. По-моему, они это заметили, потому что опять сбились в большой светящийся шар. Наверное, о чем-то советовались. Потом шар распался, тысячи светящихся точек разлетелись в сторону и образовали новую фигуру — стрелу, которая не стояла на месте, а медленно двигалась, явно приглашая меня следовать за ней. Знаю, господин журналист, жители Камы потом хвастались, что спасли землянина, потерпевшего аварию, от неминуемой гибели, — ведь по ночам температура на Каме падала до минус ста градусов. Но спасли-то меня не они, а эти пчелы.

Стрела из тысячи летящих огоньков довела меня до бункера и показала, какую нажать кнопку, чтобы герметическая дверь бункера открылась. Впоследствии я узнал, что на Каме много таких бункеров — там может укрыться всякий, кого великий ночной холод застиг под открытым небом. В таком бункере имеется несколько крошечных квартирок, очень теплых и со всеми удобствами. Был там и радиоприемник с передатчиком, и я сейчас же связался с жителями Камы. Я-то ведь понятия не имел ни о великом холоде, ни о бункерах, а пчелы знали...

Я, конечно, рассказал об этом каманцам, кто пришел мне на помощь. Но у них мой рассказ вызвал недоумение и даже, кажется, недовольство. Разумные пчелы? Теорема Пифагора? Светящаяся стрела? Да это мне все приснилось. Каманские пчелы дают превосходный мед, и только. Скорее всего, у меня были галлюцинации...

Я и по сей день гадаю, действительно ли каманцы не знают, что на их планете обитает еще один вид разумных существ, или они просто не хотели посвящать меня в эту тайну. Что ж, так и бывает: люди бок о бок живут с чудесами и ничего не видят.

5. Шантаж в космосе

Да, господин журналист, я много лет прожил на маленьком астероиде. По его имени я и взял себе псевдоним — X.99. Скажу не хвастаясь, для меня почти не осталось загадок в мире. Видел и более развитые цивилизации, чем наша, и более отсталые. Попадались и смешанные случаи — соединение прогресса и невежества.

Видите эту штуковину, не больше ореха. Это уникальный передатчик изображений. Нечто вроде телевизора, только в тысячу раз совершеннее. Если его включить, начнутся паразитические вещи. Но вот жалость — я не умею его включать. В Академии наук его изучали не один год и не сумели разгадать его секрета. Я храню его просто так, на память. Но я видел, как он работает. Да, чёрт возьми, ведь и правда видел...

Как-то раз на мой астероид приземлился космический корабль. Из него выскочили очень странные люди. Они как будто были сделаны из разноцветных проволочек. Представляете себе? Таких человечков дети любят рисовать.

Общались они между собой с помощью передачи мыслей.

— Не бойтесь, — поймал я посланную мне мысль, — будете па-

инькой — ничего плохого не случится. Не будете — пустим в расход. Договорились?

— Договорились, — ответил я. Что еще мне оставалось делать?

У одного в руке была вот эта самая штука — орех. Он положил его на стол, что-то повертел, покрутил, и вдруг у меня в комнате, откуда ни возьмись, трое незнакомцев. Как потом выяснилось, — правители одной далекой планеты, которую они называли Ноот. Планета эта находится примерно в двадцати световых милях от моего астероида.

Увидев новых пришельцев, я сразу понял, что произошло. А вы? Правители во плоти сидели у себя во дворце на планете Ноот, а их телекопии явились на мой астероид с помощью сверхмощного телевизора. Причем явились не на экран, а прямо в пространство.

Между бандитами и правителями завязалась короткая, но выразительная беседа, которую они, разумеется, вели мысленно.

— Мы, как вы, вероятно, уже догадались, — известная вам Черная бригада, — заявили космические бандиты. — С нами, вы знаете, шутки плохи. Мы вызвали вас сюда, подальше от ваших приспешников, чтобы предъявить ультиматум. Как видите, на этот раз мы взяли за дело всерьез. Вам дается ровно один день и одна минута. И ни секунды больше. В этот срок вы должны погрузить в ракету все сокровища планеты Ноот и отправить вот по этому адресу. Если наши требования не будут исполнены, планета минуту спустя после назначенного срока взлетит в воздух. Взорвутся ядерные заряды, установленные нами на обоих полюсах.

— Но мы не можем принять ваш ультиматум, не обсудив его...

— Обсуждайте с кем хотите, но помните, в вашем распоряжении всего один день. Так что поторапливайтесь.

— Но ведь нельзя же...

— Можно. Все можно. И смотрите — без фокусов. До скорого свидания.

Три правителя исчезли, растворились в воздухе, как привидения. Главарь Черной бригады спрятал орех в карман и загоготал. Мысленно, конечно. Не спрашивайте, как это он умудрился. Но я чувствовал, они ржут так, что, того гляди, лопнут от смеха.

Вдруг слышим: кто-то скребется в дверь. Бандиты забеспокоились.

— Не бойтесь, — говорю я им. — Это моя Рената.

Отворил я дверь, и моя верная коза вприпрыжку вбежала в комнату.

— Хочешь свеженькой травки? — ласково погладил я козу. — Прости меня, я тут немножко замешкался.

Мы столько лет прожили с Ренатой, не расставаясь, что я говорил

с ней, как с человеком. И она меня понимала. Подошел я к контейнеру, в котором с Земли доставлялась свежая трава, и тут...

Хотите верьте, хотите нет, космические бандиты, нагло вторгшиеся на мой мирный астероид, бухнулись все разом на колени и так затряслись от ужаса, что даже зубы у них застучали. Потом стали корчиться, биться головой об пол, орать дурным голосом. Ну не мысленно, а как ревут бешеные быки. Рената смотрит на них с философским спокойствием, ей и невдомек, что она и есть причина их беснования. Впрочем, я тоже тогда, этого не понимал. Бандиты еще добрых полчаса всхлипывали, заламывали руки, клали земные поклоны. А дальше что-то совсем непонятное пошло. Вынул главарь из кармана свой орех-телевизор и, низко кланяясь, положил его к ногам Ренаты. Точно принес ей мирную жертву. Остальные оторвали от своего одеяния по ниточке и, трепеща проволочными телами, положили эти ниточки на пол рядом с орехом. Потом, рыдая и беспрестанно кланяясь, попятились к двери, выскочили из комнаты, прыгнули в свой корабль и улетели. С тех пор я никогда их больше не видел.

Дня через два я связался по радио с планетой Ноот. Там праздновали чудесное избавление.

Шли годы, эта странная история с космическими бандитами не стиралась у меня из памяти. Но она была такая фантастическая, что я никогда никому о ней не рассказывал.

Однажды ко мне на астероид залетел профессор Вир. Знаменитый космический этнограф, лауреат Нобелевской и Галактических премий, крупнейший знаток быта и нравов населения космоса. Да что я вам рассказываю, вы и сами о нем все знаете. Увидел он орех и очень им заинтересовался.

— Вы что, бывали на планете Ноот? — спросил я профессора.

— Бывал. Мало известная планета.

— Ну мне один эпизод из ее истории очень хорошо известен. Если хотите, могу рассказать.

И рассказал профессору про то, как мой астероид осчастливила своим посещением Черная бригада и чем все это кончилось. Дошел я до того места, как в комнату вбежала Рената и стала просить травки, а профессор как расхохочется.

— Вам смешно, — говорю я ему. — А мне тогда было, поверьте, не до смеху.

Успокоился профессор, вытер глаза и все мне объяснил. Оказывается, на планете Ноот у Бога правосудия обличье козы. Теперь и вам все

ясно? Можете себе представить ужас бандитов, когда в самый разгар их козней им явился сам Бог правосудия. Ну как вам нравится планета Ноот? Наука и техника на таком высоком уровне, что вон какие штучки они создают. А Бог правосудия у них — коза.

СОДЕРЖАНИЕ

КОРОВЫ ИЗ ВИПИТЕНО	3
НОЧИ В СПИЛАМБЕРТО	10
НА ПЛЯЖЕ	18
ИГРА В ЧЕТЫРЕ УГЛА .	26
В ПОЕЗДЕ	34
ВОЛОКУША ИЗ ЧЕЗАРЕТТО . .	43
НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК .	50
СИРЕНА	61
ПЕСЕНКА ОГРАДЫ .	69
СЕРЕНАДА КУЛЬКА	75
ФУТБОЛЬНЫЙ МАТЧ	82
КОСМОНАВТ-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ X.99	93
1. Бог огня	—
2. Деревья убивать не могут .	97
3. Космические пауки .	100
4. Сигналы в ночи	103
5. Шантаж в космосе	106

Для среднего и старшего школьного возраста

Джанни Родари

ИГРА В ЧЕТЫРЕ УГЛА

Рассказы

ИБ № 6283

Ответственный редактор *А. С. Ляуэр*

Художественный редактор *В. А. Горячева*

Технический редактор *Е. П. Кудярова*

Корректоры *А. А. Гусельникова* и *Г. В. Русакова*

Сдано в набор 18.06.84. Подписано к печати 22.01.85.
Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офсетная № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,19. Усл. кр.-отт. 9,95. Уч.-изд. л. 6,84. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2837.
Цена 45 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомнадата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Родари Д.

Р60   **Игра в четыре угла: Рассказы/Пер. с итал. Т. Воеводиной и М. Литвиновой; Рис. В. Кафанова.— М.: Дет. лит., 1985.— 110 с., ил.**

В пер. 45 к.

В книге собраны рассказы и фантастические истории известного итальянского писателя. Они полны юмора, неожиданных сюжетных ходов и игры, в которой Родари приглашает принять участие и своих юных читателей.

Р 480302000—220 526—84
М101(03)85

И (Итал)

SOBD

10809098

